

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

**СОЙКА-
ПЕРЕСМЕШНИЦА**

ДА ПРЕБУДЕТ С ТОБОЙ УДАЧА

Сьюзен Коллинз
Сойка-пересмешница
Серия «Голодные игры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3091535
Сойка-пересмешница / Сьюзен Коллинз: АСТ, Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-37109-7, 978-5-271-37110-3, 978-5-17-082047-4

Аннотация

Китнисс выжила, хотя дом ее разрушен. Ее семья – в относительной безопасности. Но... Пит похищен властью имущими, и судьба его не известна. И тогда легенда становится реальностью. Таинственный Тринадцатый дистрикт выходит из тени, в которой скрывался долгие годы. Начинается война. Война за справедливость? Война за лучшее будущее? Возможно. Китнисс в этой войне – символ сопротивления. И если она не хочет оказаться пешкой в чужой большой игре, если не хочет, чтобы жизнь ее любимого принесли в жертву чужим интересам, ей придется стать сильной. Сильнее, чем на арене Голодных игр...

Содержание

Часть I	4
1	4
2	10
3	18
4	25
5	31
6	37
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сьюзен Коллинз

Сойка-пересмешница

Кэпу, Чарли и Изабель

Часть I

Пепел

1

Я опускаю глаза и вижу, как на мои изношенные туфли тонким слоем ложится пепел. Вот тут стояла кровать, которую делили мы с Прим. Там, напротив, – кухонный стол. Ориентиром мне служит грудка черных от сажи кирпичей, в которую превратилась печка. Как бы иначе я разобралась в этом море серости?

От Двенадцатого дистрикта не осталось почти ничего. Месяц назад капитолийские зажигательные бомбы спалили дотла бедные домишки шахтеров в Шлаке, лавки и магазины в центре и даже Дом правосудия. Огня избежала только Деревня победителей. Не знаю почему. Возможно, чтобы тем, кто приедет сюда по делам из Капитолия, было, где остановиться. Репортерам, комиссии по оценке угольных шахт, бригаде миротворцев в поисках возвращающихся беженцев.

Пока приехала лишь я. Ненадолго. Власти Тринадцатого дистрикта не одобряли мою поездку – мол, дорогостоящая и бессмысленная авантюра. Ради моей защиты им пришлось поднять по меньшей мере двенадцать планолетов, которые незримо кружат где-то вверху. Никаких полезных сведений поездка не даст. Но я должна была увидеть все сама. Даже поставила это условием нашего сотрудничества.

В конце концов Плутарх Хевенсби, главный распорядитель Голодных игр и предводитель мятежников в Капитолии, сдался:

– Пусть едет. Лучше потерять день, чем еще месяц. Возможно, так она скорее убедится, что мы на одной стороне.

На одной стороне... Левый висок пронзает боль, я прижимаю к нему ладонь. Сюда ударила меня катушкой проволоки Джоанна Мэйсон. Воспоминания вихрем проносятся в голове, пока я пытаюсь сообразить, где истина, а где ложь. Какая череда событий привела к тому, что я стою теперь посреди развалин своего города? Мысли путаются – сказывается сотрясение мозга после того удара. Из-за лекарств, которыми меня пичкают от физической и душевной боли, я порою вижу то, чего нет. Хотя точно не знаю. Я до сих пор не вполне уверена, что, когда однажды пол моей больничной палаты превратился в ковер из кишаших змей, это и впрямь было галлюцинацией.

Я использую способ, подсказанный одним из врачей: начинаю с простейшего – того, что знаю наверняка, – затем перехожу к более сложному.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать лет. Моя родина – Двенадцатый дистрикт. Я участвовала в Голодных играх. Сбежала. Капитолий меня ненавидит. Пита схватили. Его считают погибшим. Скорее всего, он убит. Возможно, лучше, если убит...

– Китнисс? Мне спуститься? – слышится в наушниках, которые мне навязали повстанцы. Мой друг Гейл вверху, на планолете. Внимательно наблюдает за мной и в случае чего мигом спустится.

Я осознаю, что сижу на корточках, обхватив голову руками. Должно быть, со стороны кажется, будто я на грани нервного срыва. Так дело не пойдет. Меня только-только понемногу начали отучать от лекарств.

Выпрямляюсь.

– Нет, все в порядке.

В подтверждение отхожу от моего прежнего дома и бреду в центр. Гейл хотел высадиться вместе со мной, но не настаивал, когда я отказалась. Понимает: любая компания мне сегодня в тягость. Даже его. Есть дороги, которые нужно пройти в одиночку.

Лето выдалось сухим и знойным. Редкие дожди не смыли кучи золы. Она испаривается от моих шагов и тут же оседает. Ветра нет. Я внимательно смотрю под ноги. Здесь раньше была дорога. Высадившись на Луговине, я споткнулась о камень. Только оказалось, что это не камень, а человеческий череп. Он откатился, зияющие глазницы уставились в небо. Я долго не могла отвести взгляд от зубов, гадая, кому они принадлежали, и представляя, как выглядели бы мои.

По привычке стараюсь придерживаться дороги, но она усеяна останками людей, пытавшихся спастись бегством. Некоторые сгорели полностью, другие, избежав огня, задохнулись от дыма. На полуразложившихся трупах кишат мухи. Вас всех убила я. И тебя. И тебя. И тебя...

Потому что так и есть. Моя стрела, разрушившая силовое поле, вызвала огненный шквал возмездия и повергла в хаос весь Панем.

В голове звучат слова президента Сноу, сказанные мне перед туром победителей: «Вы, Огненная Китнисс, бросили искру, способную разгореться в адское пламя, которое уничтожит Панем». Он не преувеличивал. Возможно, он искренне пытался заручиться моей поддержкой, хотя от меня уже ничего не зависело.

Пожар все еще продолжается, машинально отмечаю я. Угольные шахты вдали изрыгают клубы черного дыма. Впрочем, кому какое дело? Почти все жители дистрикта погибли. Оставшиеся восемь процентов укрылись в Тринадцатом дистрикте – бесприютные беженцы, навсегда лишившиеся родины.

Конечно, так думать не следует. Я должна быть благодарна за то, что нас приняли. Больных, израненных, голодных, нищих. Однако мне не дает покоя мысль, что если бы не мятежники Тринадцатого дистрикта, Двенадцатый был бы цел. Это не снимает вины с меня – ее хватит на всех. Но что бы я смогла без них?

Жители Двенадцатого дистрикта вообще ни в чем не виноваты, им просто не повезло, что у них есть я. И все же некоторые выжившие рады, что вырвались оттуда. Прочь от голода и гнета, гибельных шахт, от плети начальника миротворцев Ромулуса Треда. Крыша над головой – уже счастье, ведь до недавнего времени мы и не подозревали о существовании Тринадцатого дистрикта.

Все, кто выжил, целиком обязаны своим спасением Гейлу, хотя сам он этого не признает. Как только Квартальная бойня была сорвана – когда меня вытащили с арены, – в Двенадцатом дистрикте отключили электричество, экраны телевизоров погасли, и в Шлаке настала такая тишина, что люди слышали биение чужих сердец. Никто и не думал ни протестовать, ни ликовать по поводу случившегося на арене, но уже четверть часа спустя небо заполнилось планолетами и градом посыпались бомбы.

Гейл вспомнил про Луговину – одно из немногих мест, свободных от старых деревянных построек, пропитанных угольной пылью. Он направил туда всех, кого смог собрать, включая мою маму и Прим. Люди снесли проволочное ограждение, теперь обесточенное и безопасное, и Гейл увел их в лес, к озеру, которое отец показывал мне в детстве. Они стояли там и смотрели издали, как пламя пожирает весь их мир.

К рассвету бомбардировщики улетели, языки пламени опали, и к озеру подтянулись последние из спасшихся. Мама и Прим развернули пункт первой помощи, лечили раненых целебными травами из леса. У Гейла было два лука со стрелами, охотничий нож, рыболовная сеть и восемь с лишним сотен напуганных и голодных людей. Гейлу помогали все, кто был в состоянии охотиться. Удалось продержаться три дня. А потом неожиданно прилетел планолет из Тринадцатого дистрикта. На новом месте уцелевших разместили в чистых квартирах с белыми стенами, снабдили новой одеждой и кормили три раза в день. К сожалению, жилье подземное, одежда совершенно одинаковая, а еда довольно безвкусная, но для беженцев из Двенадцатого это мелочи. Главное – они живы, они в безопасности, их не бросили на произвол судьбы, а приняли с распростертыми объятиями.

Вначале я никак не могла понять, с чего это нам так радуются, но один человек по имени Далтон открыл мне глаза.

– Вы им нужны. Я им нужен. Мы все. Некоторое время назад у них тут была какая-то эпидемия вроде оспы. Многие умерли, остальные стали бесплодными. Племенной скот – вот кто мы для них.

Несколько лет назад Далтон сбежал из Десятого дистрикта и пешком пришел в Тринадцатый. У себя в Десятом он работал на скотоводческой ферме. Занимался сохранением генетического разнообразия стада при помощи замороженных коровьих эмбрионов. Похоже, он знает, о чем говорит, – детей в Тринадцатом и вправду почти не видно. Ну и что с того? Нас не держат в загоне, дают возможность получить профессию, дети ходят в школу. Подростки старше четырнадцати получили низший армейский чин, их теперь почтительно называют солдатами. Каждому беженцу власти автоматически предоставили гражданство.

Все равно ненавижу их. Хотя теперь я почти всех ненавижу. Больше всего себя.

Дорога под ногами стала тверже, под ковром пепла чувствуется булыжная мостовая. Я на площади. Ее границами служат невысокие насыпи из золы и мусора, в которые превратились магазины. Груда черных обломков на месте Дома правосудия. Иду туда, где стояла пекарня родителей Пита. Я узнаю ее только по оплавленной печи. Родители Пита и оба старших брата погибли в огне. Из тех, кто в Двенадцатом дистрикте считался зажиточными, спаслось не больше десятка. Питу не к кому больше возвращаться. Кроме меня...

Отступив на несколько шагов, я спотыкаюсь и падаю на кусок раскаленного от солнца металла. Что это? Тут я вспоминаю недавние нововведения Треда. Колодки, позорный столб и виселица, на обломках которой я теперь сижу. Черт. Вот угораздило. Перед глазами проносятся картины, мучающие меня и днем и ночью. Пит под пытками – его топят в воде, жгут железом, режут, бьют током, калечат, пытаюсь вытащить из него то, о чем он не имеет понятия. Я изо всех сил зажмуриваюсь и пытаюсь дотянуться до него через многие сотни миль, передать ему мои мысли, сказать, что он не один. Но он один. Я ничем не могу ему помочь.

Бежать. Скорее прочь с этого места! Туда, где нет углей и пепла. Я пробегаю мимо того, что было домом мэра, где жила моя подруга Мадж. Ни о ней, ни об ее родственниках ничего не известно. Эвакуировали их в Капитолий благодаря положению отца или оставили огню? Из-под ног поднимаются тучи пепла, я закрываю рот краем рубашки. Мне не хватает воздуха – не столько от того, что я вдыхаю, сколько от сознания, кого я вдыхаю.

Вот и Деревня победителей. Трава здесь тоже выгорела, и земля усыпана серыми хлопьями, но двенадцать домов стоят целы и невредимы. Я вбегаю в тот, где жила в прошлом году, захопываю дверь и прислоняюсь к ней. Все осталось на своих местах. Чистота и порядок. Тихо до жути. Зачем я вернулась в Двенадцатый? Неужели думала найти здесь какие-то ответы? Ответы на вопросы, от которых не скрыться.

– Что мне делать? – шепотом спрашиваю я у стен. Я правда не знаю.

Приходят люди, разговаривают со мной. Все говорят и говорят. Плутарх Хевенсби. Фульвия Кардью, его деловитая помощница. Всяческие чиновники. Военные. Только Альма

Койн, президент Тринадцатого, помалкивает. Наблюдает со стороны. Ей пятьдесят или около того. У нее потрясающие волосы, ни одной выбившейся пряди, даже ни одного секущегося кончика. Идеальные. Глаза – серые, но не как у выходцев из Шлака. Бледно-бледно-серые, такие светлые, будто все живые краски из них выкачали. То, что осталось, напоминает цветом грязный подтаявший снег в конце зимы.

Им нужно, чтобы я взяла на себя роль, которую они для меня придумали. Стала символом революции. Сойкой-пересмешницей. Бросить вызов Капитолию, вдохновить повстанцев – недостаточно. Теперь я должна стать настоящим лидером – лицом, голосом и плотью революции. Указать путь к победе. Я буду не одна. У них тут целая команда. Позаботятся о макияже, подберут одежду, напишут речи, организуют выступления – звучит до жути знакомо, не так ли? Мне останется только сыграть роль. Иногда я их слушаю, иногда только притворяюсь внимательной и разглядываю безупречно уложенные волосы Койн – может, это парик? В конце концов у меня начинает болеть голова, или сосать в желудке, или я чувствую, что начну биться в истерике, если сию же минуту не выберусь на поверхность. Не говоря ни слова, встаю и выхожу.

Вчера, перед тем как за мной закрылась дверь, я услышала слова Койн:

– Говорила же, в первую очередь надо спасти парня.

Это она о Пите. Я с нею согласна. Из Пита получился бы замечательный лидер.

А кого они вытащили вместо него? Меня, не желающую иметь с ними никаких дел. Еще Бити, изобретателя из Третьего. Бити я почти не вижу – едва он смог садиться на постели, его подключили к разработке оружия. Прямо на кровати отвезли в какой-то секретный отдел, и теперь он только иногда показывается в столовой. Он очень умный и рад внести свой вклад в борьбу, но повести за собой не сможет. Потом – Финник Одэйр, секс-символ рыбацкого дистрикта. Это он не дал умереть Питу на арене, когда я ничем не могла ему помочь. Из Финника тоже хотят сделать вождя повстанцев, только сперва нужно добиться, чтобы он не отключался каждые пять минут. Даже когда он в сознании, приходится повторять все по три раза, прежде чем до него дойдет. Врачи говорят, это из-за электрического шока, полученного на арене, но я знаю, что причина гораздо сложнее. Финник не может ни на чем сосредоточиться, потому что постоянно думает об Энни, сумасшедшей девушке из его дистрикта, – что с нею стало. Энни – единственная на земле, кого любит Финник.

В Тринадцатом я оказалась в том числе и по его милости. Но уже почти не держу на него обиды. Он, по крайней мере, понимает, каково мне. Да и трудно злиться на того, кто постоянно плачет.

Осторожно, стараясь не шуметь, обхожу первый этаж. Будто на охоте. Беру пару вещей на память: фотографию родителей в день свадьбы, синюю ленточку для волос, семейный справочник по лекарственным и съедобным растениям. Книга раскрывается на странице с желтыми цветами. Я быстро захопываю ее. Цветы нарисовал Пит.

Что же мне делать?

А нужно ли вообще что-то делать? Мои мама, сестра, Гейл с семьей наконец в безопасности. Другие – либо погибли, чего уже не исправить, либо укрылись в Тринадцатом. Есть еще повстанцы в других дистриктах. Конечно, я ненавижу Капитолий не меньше, чем они, вот только принесу ли пользу повстанцам, став Сойкой? Как я могу помочь дистриктам, когда любой мой шаг оборачивается страданиями и гибелью людей? В Одиннадцатом дистрикте расстреляли старика за то, что он насвистывал мелодию Руты. У нас, в Двенадцатом, стало только хуже после того, как я заступилась за Гейла, когда его хотели высечь. Цинну, моего стилиста, перед Играми избили и выволокли без сознания из Стартового комплекса. Осведомители Плутарха считают, что его убили на допросе. Цинна, такой умный, загадочный, великодушный, умер из-за меня. Нет, нельзя об этом думать. Иначе мой хрупкий разум не выдержит и я совершенно потеряю связь с действительностью.

Что делать?

Став Сойкой-пересмешницей... чего я принесу больше, пользы или вреда? Кто мне ответит? Чьему ответу я поверю? Уж конечно, не той компании из Тринадцатого. Клянусь, я бы сбежала оттуда. Если бы не одно «но». Пит. Знай я наверняка, что он погиб, ушла бы в лес – только меня и видели. Даже не оглянулась бы. Но пока ничего не известно, я связана по рукам и ногам.

Внезапно за спиной слышится какое-то шипение. Я оборачиваюсь. В дверях кухни, хищно изогнув спину, плотно прижав уши к голове, стоит самый уродливый кот в мире.

– Лютик! – вырывается у меня.

Тысячи людей погибли, а он выжил и даже не исхудал. Что же он ел? Мы всегда оставляли приоткрытым окно в кладовке, чтобы он мог приходить и уходить, когда ему захочется. Наверное, ловил полевых мышей. О другой возможности думать не хочется.

Я сажусь на корточки и протягиваю руку:

– Иди ко мне, малыш.

Ага, как же. Он злится. Мы бросили его одного. К тому же в руке у меня ничего нет, а еда – это основное, что до некоторой степени примиряло его с моим существованием. На какое-то время мы с ним, правда, едва не сдружились. Так вышло, что мы оба невзлюбили новый дом и, случилось, в одно и то же время приходили к старому. Теперь это в прошлом. Желтые глаза Лютика недобро сверкают.

– Хочешь к Прим? – спрашиваю я.

Кот пошевелил ушами. «Прим» – единственное слово, кроме собственного имени, которое что-то для него значит. Хрипло мякнув, он подходит ближе. Я беру его на руки, глажу, потом достаю из шкафа охотничью сумку и без лишних церемоний засовываю в нее кота. По-другому поднять его на планолет не получится, а эта животина слишком много значит для моей сестры.

Ее коза Леди, от которой действительно есть толк, к сожалению, не показалась.

Голос Гейла в наушниках говорит, что пора возвращаться. Однако охотничья сумка напомнила мне еще об одной вещи, которую я хотела взять. Вешаю сумку на спинку стула и взлетаю по ступенькам на второй этаж, в свою спальню. В шкафу висит отцовская охотничья куртка. Я привезла ее перед Бойней из нашего старого дома. Подумала, что куртка будет напоминать матери и Прим обо мне, если я не вернусь, и, может быть, утешит их. Слава богу, иначе она бы тоже превратилась в пепел.

Кожа мягкая и приятная на ощупь. Сколько часов я провела, закутавшись в эту куртку! От воспоминаний на душе становится тепло и спокойно. Неожиданно ладони покрываются потом. Какое-то странное ощущение в затылке. Резко поворачиваюсь. Никого нет. В комнате порядок. Все на своем месте. Тишина. Меня испугал не звук. Тогда что?

Ноздри невольно вздрагивают. Запах. Тяжелый, неестественный. Среди высохших цветов на комодке что-то белое. Осторожно переставляя ноги, подхожу ближе. В вазе, едва видимая в кругу своих увядших сородичей, стоит белая роза – свежая и безупречная до кончиков лепестков, до последнего шелкового листика.

Я немедленно понимаю, от кого она.

От президента Сноу.

Задыхаясь от запаха, пячусь, поворачиваюсь и бегу прочь. Сколько она здесь простояла? Сутки? Час? Прежде чем мне разрешили сюда прилететь, здесь побывали разведчики повстанцев. Искали взрывчатку, жучки, все, что может представлять опасность. На розу они могли не обратить внимания. Всего лишь цветок. Только не для меня.

Внизу хватаю со стула сумку и по пути несколько раз задеваю ею пол, прежде чем вспоминаю, что она не пустая. Стоя на лужайке, отчаянно машу руками планолету. Толкаю локтем бьющегося в сумке Лютика, отчего тот приходит еще в большую ярость. Наконец

появляется планолет, и вниз спускается лестница. Становлюсь на ступеньку, и меня, бездвиженную током, поднимают на борт.

Гейл помогает мне сойти с лестницы.

– Все в порядке?

– Да, – отвечаю я, смахивая рукавом пот с лица и едва сдерживая крик: «Он прислал мне розу!» Лучше помалкивать, тем более когда за нами наблюдает Плутарх. Со стороны это будет похоже на бред. Будто я все это себе вообразила (что не исключено) или делаю из мухи слона. И в том и другом случае билет в страну наркотических грез, из которой я едва вырвалась, мне гарантирован. Никто другой не поймет, что такого страшного в цветке, пусть даже от президента Сноу. Потому что никто кроме меня не сидел с ним в кабинете перед туром победителей и не слышал его угроз. Это не просто цветок. Это обещание расплаты.

Белоснежная роза на комодe – послание, адресованное лично мне. О том, что пора платить по счетам. «Я найду тебя. Достану где угодно. Возможно, я уже сейчас вижу тебя», – шепчет она.

2

Может быть, capitoлийские планолеты уже мчатся сюда, чтобы развеять нас по ветру? Все время, пока мы летим над Двенадцатым дистриктом, я жду нападения. Ничего не происходит. Через несколько минут я слышу радиообмен между пилотом и Плутархом о том, что воздушное пространство свободно, и немного успокаиваюсь.

Гейл кивком показывает на вопящую охотничью сумку:

– Так вот зачем тебе непременно надо было вернуться.

– Как будто был хоть один шанс его найти.

Сбрасываю на мягкое сиденье сумку – мерзкое существо внутри принимается угрожающе рычать – и сажусь напротив у окна.

– Заткнись.

Гейл садится рядом.

– Жуткое зрелище, да?

– Хуже не придумаешь.

Я смотрю в глаза Гейла и вижу в них отражение собственной скорби. Наши руки находят друг друга, жадно цепляясь за ту часть Двенадцатого дистрикта, которую не смог уничтожить Сноу. До конца полета сидим молча. Впрочем, лететь до Тринадцатого всего минут сорок. Пешком – неделя. Бонни и Твилл, беглянки из Восьмого дистрикта, которых я встретила в лесу прошлой зимой, были не так уж далеки от цели. Похоже, не дошли. Я пыталась навести справки в Тринадцатом, но никто ничего о них не слышал. Умерли в лесу, наверное.

С воздуха вид у Тринадцатого дистрикта ничуть не веселей, чем у нашего. Руины, правда, не дымятся, как показывают из Капитолия по телевизору, но на поверхности почти невозможно разглядеть никаких признаков жизни. Все семьдесят пять лет, прошедших с Темных Времен, когда Тринадцатый был якобы стерт с лица земли в войне с Капитолием, новое строительство велось исключительно под землей. Часть подземных сооружений существовала уже не одну сотню лет – тайные убежища для глав правительства на время войны либо последний приют человечества, если жизнь на поверхности станет невозможна. Но самое главное то, что Тринадцатый был центром по разработке ядерного вооружения для Капитолия. В Темные Времена повстанцы изгнали из своего дистрикта правительственные войска и, нацелив ядерные ракеты на Капитолий, предложили сделку: Капитолий оставляет Тринадцатый дистрикт в покое, а Тринадцатый дистрикт делает вид, будто его больше не существует. Хотя на западе страны Капитолий располагал резервным ядерным арсеналом, применить его без риска ответного удара со стороны Тринадцатого было нельзя. Оставалось принять условия. Капитолий разрушил все, что еще уцелело на поверхности, и перекрыл доступ к дистрикту извне. Возможно, лидеры Капитолия полагали, что, оставшись без поддержки, Тринадцатый постепенно вымрет сам. Несколько раз он и впрямь был на грани гибели, однако благодаря четкому распределению ресурсов, строгой дисциплине и постоянной бдительности ему всегда удавалось выкарабкаться и избежать диверсий Капитолия.

Теперь люди почти все время проводят под землей, лишь иногда, по расписанию, выбираясь на поверхность, чтобы размяться и побыть под солнцем. Расписание – это святое. Утром засовываешь в хитрую штуковину на стене правую руку до локтя и получаешь на ее внутренней стороне ядовито-фиолетовую татуировку: 7.00 – *Завтрак*. 7.30 – *Дежурство по кухне*. 8.30 – *Образовательный центр, ауд. 17*. И дальше в таком духе. Чернила невозможно ни стереть ни смыть до 22.00, когда по расписанию душ. К тому времени вещество, отвечающее за стойкость чернил, распадается, и весь распорядок утекает в канализацию. Ровно в 22.30 звучит отбой, после чего все, кто не занят в ночную смену, должны быть в постели.

Лежа в госпитале, я обходилась без ежедневного «клеймения». Теперь, переселившись в отсек 307 к маме и сестре, должна жить, как остальные. Как бы то ни было, я не особенно обращаю внимание на эти надписи – за исключением тех, что касаются посещения столовой. В остальное время сижу в нашем отсеке, брожу по Тринадцатому или заваливаюсь спать в каком-нибудь укромном уголке. В заброшенном вентиляционном коробе. За трубами в прачечной. В подсобке образовательного центра. Замечательное место эта подсобка. Никто никогда не зайдет ни за мелом, ни еще за чем. Тут все жутко бережливые, расточительство – чуть ли не уголовное преступление. К счастью, жизнь в Двенадцатом приучила нас быть экономными. Зато Фульвия Кардью как-то раз смяла и выбросила почти не испитый лист бумаги. Видели бы вы, как на нее все посмотрели, – будто она кого-то убила. Фульвия покраснела как помидор, отчего серебряные розы на ее пухлых щеках стали еще отчетливее. Ходячий символ расточительства. Одно из немногих моих развлечений в Тринадцатом – наблюдать за горсткой отъевшихся capitoлийских «бунтарей», как они из кожи вон лезут, чтобы соответствовать.

Не знаю, долго ли наши гостеприимные хозяева намерены мириться с моим полнейшим пренебрежением к пунктуальности и правилам, столь ими любимыми, но пока что меня никто не трогает. Чего ждать от человека, страдающего «психической дезориентацией»? (Такой диагноз значится на пластиковом медицинском браслете у меня на руке.) Впрочем, рано или поздно моим вольным блужданиям придет конец. Да и с Сойкой надо что-то решать.

С посадочной площадки, наматывая лестничные марши, мы с Гейлом спускаемся в отсек 307. Лифт тоже есть, вот только он слишком напоминает тот, который поднимал меня на арену. Мало приятно проводить столько времени под землей, однако сегодня, после той жуткой розы (действительно ли она была?), я впервые чувствую себя тем спокойнее, чем глубже спускаюсь.

У двери с номером 307 я останавливаюсь. Сейчас начнутся расспросы...

– Что мне им говорить о Двенадцатом? – обращаюсь я к Гейлу.

– Вряд ли им нужны подробности. Сами видели, как все горело. Думаю, они больше волнуются за тебя. – Пальцы Гейла касаются моего лица. – И я тоже.

На секунду я прижимаю его ладонь к своей щеке.

– Я справлюсь.

Потом делаю глубокий вдох и открываю дверь. Мать и сестра дома. Сейчас 18.00 – *Анализ дня*, полчаса отдыха перед ужином. В глазах у них забота. Будто в душу хотят заглянуть. Прежде чем кто-нибудь успеает произнести хоть слово, я открываю сумку, и вместо анализа дня у нас 18.00 – *Обожание кота*. Прим сидит на полу и со слезами на глазах нянчит этого жуткого котенка, а тот урчит, изредка прерываясь, чтобы шикнуть в мою сторону. Особенно уничижительным взглядом он меня награждает после того, как Прим повязывает ему вокруг шеи синюю ленточку.

Мама прижимает к груди свою свадебную фотографию, потом ставит ее на казенный комод, рядом кладет справочник растений. Я вешаю на стул отцову куртку. На мгновение кажется, будто мы снова дома. Все-таки не зря я смоталась в Двенадцатый.

18.30. Мы идем в столовую на ужин, когда на руке Гейла пищит телебраслет – штука-вина, похожая на большие наручные часы, но может принимать текстовые сообщения. Телебраслеты – редкость. Их выдают в качестве поощрения тем, кто особенно значим для дела революции. Гейлу этот статус присвоили за спасение жителей Двенадцатого дистрикта.

– Нас с тобой вызывают в штаб, – говорит он мне.

Я плетусь в нескольких шагах позади Гейла, готовясь к очередной промывке мозгов. Вот и штаб – зал заседаний военсовета, оборудованный по последнему слову техники. Тут и говорящие стены со встроенными компьютерами, и электронные карты, показывающие

перемещения войск в различных дистриктах, и гигантский прямоугольный стол с замысловатыми приборными панелями – мне до них лучше не дотрагиваться. Остановливаюсь в дверях, никто не обращает на меня внимания. Все собрались в дальнем конце зала у телевизионного экрана, по которому круглые сутки идут передачи из Капитолия. Я уже думаю, не улизнуть ли потихоньку, как вдруг Плутарх, чья массивная фигура загоразивала мне телевизор, поворачивается и энергично машет рукой – скорее сюда! С неохотой подхожу ближе. Что там может быть интересного? Всегда одно и то же: военные сводки, пропаганда, кадры бомбежек Двенадцатого дистрикта. Ясная демонстрация того, что нас всех ждет. На таком фоне появление Цезаря Фликермена, вечного ведущего Голодных игр, с раскрашенной физиономией и в блестящем костюме выглядит почти ободряюще. До тех пор пока камера не отъезжает, чтобы показать гостя программы. Это – Пит.

У меня перехватывает дыхание, и я судорожно, со стоном хватаю ртом воздух, будто в последний момент, когда легкие уже разрываются болью от недостатка кислорода, вынырнула из-под воды. Пробившись к самому телевизору, касаюсь ладонью экрана. Вглядываюсь в глаза Пита, пытаюсь уловить в них боль, тень страданий, которым его подвергали. Я ничего не нахожу. Вид у Пита не просто здоровый – цветущий. Гладкая, румяная кожа без единого изъяна, как после полной регенерации. Взгляд, движения – спокойные и уверенные. Ничего общего с тем избитым, окровавленным юношей, что виделся мне в кошмарах.

Цезарь усаживается поудобнее в кресле напротив, долго смотрит на Пита.

– Привет, Пит... С возвращением!

Губы Пита трогает легкая улыбка:

– Готов спорить, Цезарь, ты был уверен, что больше меня не увидишь.

– Признаюсь, ты прав. В тот вечер перед Квартальной бойней... кто бы мог подумать, что мы еще встретимся?

– У меня, по крайней мере, такого и в мыслях не было.

Цезарь слегка подается вперед:

– Думаю, все прекрасно знают, что было у тебя в мыслях. Пожертвовать собой ради Китнисс Эвердин и вашего ребенка.

– Именно так. Просто и ясно. – Пальцы Пита обводят узор на мягкой обивке подлокотника. – Только у других тоже были свои планы.

«Еще как были, – мысленно соглашаюсь я. – Значит, Пит обо всем догадался? Что повстанцы использовали нас как пешки в своей игре. Что меня с самого начала планировали спасти. И наконец, как наш ментор Хеймитч Эбернети предал нас обоих ради цели, которая его якобы совершенно не интересовала».

Пока длится пауза, я замечаю морщинки между бровями Пита. Да, он догадался, или ему рассказали. Однако Капитолий не убил его и даже не наказал. Такого я не решалась представить себе в самых смелых мечтах. Я не могу на него наглядеться. Пит – цел, невредим, здоров телом и духом. Осознание этого растекается по моим жилам подобно морфлингу, который мне колют в госпитале, и боль, мучившая меня вот уже несколько недель, отступает.

– Не мог бы ты рассказать зрителям о последней ночи на арене? – просит Цезарь. – Это позволило бы многое прояснить.

Пит согласно кивает, но с рассказом не торопится.

– Та ночь... Последняя ночь... Что ж, тогда для начала пусть зрители попробуют представить, что испытывает трибут на арене. Ты – букашка под колпаком с раскаленным воздухом. Кругом джунгли... зеленые, живые. Гигантские часы, отсчитывающие, сколько тебе осталось. Тик-так, тик-так. Каждый час – новое испытание, одно кошмарнее другого. Шестнадцать смертей за последние два дня. Некоторые погибли, защищая тебя. Если так пойдет дальше, оставшиеся восемь не доживут до утра. Кроме одного. Победителя. И ты сделаешь все, чтобы им стал другой.

Меня окатывает потом при воспоминании. Рука безвольно соскальзывает с экрана. Питу не нужны кисти и красок, чтобы живописать Игры. Он прекрасно обходится словами.

– Когда ты на арене, остальной мир для тебя не существует, – продолжает он. – Все, что ты любил, стало таким далеким, что его как бы и нет. Розовое небо, монстры в джунглях, трибуны, жаждущие твоей крови, – только это по-настоящему реально и имеет значение. Хочешь ты или нет, тебе придется убивать, потому что на арене у тебя лишь одно желание, и плата за него высока.

– Плата – твоя жизнь, – говорит Цезарь.

– Нет, гораздо выше. Убивать ни в чем не повинных людей... Это... это – отдать все ценное, что в тебе есть.

– Все ценное, что в тебе есть, – негромко повторяет Цезарь.

Студию заполнила тишина, и я чувствую, как она растекается по всему Панему. Целая нация приникла к экранам. Никто прежде не говорил о том, каково это – быть трибутом.

– И ты цепляешься за это желание, как за последнее, что у тебя осталось своего, – продолжает Пит. – В ту последнюю ночь мое желание было спасти Китнисс. Я не знал о повстанцах, но чувствовал – что-то не так. Все чересчур запуталось. Я жалел, что не убежал с ней днем, как она предлагала. Но в тот момент это было невозможно.

– Ты был слишком увлечен идеей Бити – пустить электричество в соленое озеро.

– Слишком увлечен игрой в союзники. Никогда себе не прощу, что позволил им нас разлучить! Тогда-то я ее и потерял.

– Когда ты остался у Дерева молний, а Китнисс с Джоанной Мэйсон понесли катушку проволоки к озеру, – уточняет Цезарь.

– Я не хотел оставаться! – Пит даже покраснел от волнения. – Но если бы я стал спорить с Бити, он бы догадался, что мы решили разорвать союз. А как перерезали провод, там такое началось... Всего и не упомнишь. Я пытался ее найти. Видел, как Брут убил Рубаку. Я сам убил Брута. Китнисс звала меня. Потом молния ударила в дерево, и силовое поле вокруг арены... лопнуло.

– Его взорвала Китнисс, – говорит Цезарь. – Ты видел запись.

– Она сама не понимала, что делает, – огрызается Пит. – Никто из нас не знал планов Бити. Китнисс просто пыталась избавиться от провода.

– Что ж, может быть, – уступает Цезарь. – Но выглядит это подозрительно. Как будто она с самого начала была в сговоре с мятежниками.

Внезапно Пит вскакивает, нависает над Цезарем и впивается пальцами в подлокотники его кресла.

– Подозрительно? А что Джоанна едва ее не убила – это как? Тоже часть заговора? Или, может быть, Китнисс хотела, чтобы ее парализовало током? Или чтобы планолеты разбомбили наш дистрикт? – Пит уже кричит. – Она не знала, Цезарь! Никто ничего не знал. Мы только старались спасти друг другу жизнь!

Цезарь кладет руку на грудь Пита – то ли желая успокоить, то ли пытаясь защититься.

– Ладно, ладно, Пит, я тебе верю.

– Хорошо.

Пит выпрямляется и запускает пальцы в волосы, приводя в беспорядок тщательно уложенные светлые локоны. Смущенно садится в свое кресло.

Какое-то время Цезарь молча изучает Пита.

– А как насчет вашего ментора, Хеймитча Эбернети?

Взгляд Пита становится жестким.

– Понятия не имею, что знал Хеймитч.

– Как думаешь, он замешан в заговоре?

– Хеймитч никогда не говорил на эту тему.

– Что подсказывает тебе сердце? – не унимается Цезарь.

– Что Хеймитчу не следовало доверять. Ничего больше.

Я не видела Хеймитча с тех пор, как расцарапала ему лицо в планолете. По слухам, ему тут нелегко. В Тринадцатом дистрикте производство и потребление опьяняющих напитков строго запрещено. Медицинский спирт в госпитале держат под замком. Волей-неволей приходится быть трезвенником, и даже никакой самодельной бурды не купишь для облегчения страданий. Хеймитча держат в изоляции, пока он не просохнет настолько, чтобы его можно было предъявить публике. Жестоко, но так ему и надо, обманщику. Надеюсь, он сейчас смотрит передачу и видит, что Пит в нем тоже разочаровался.

Цезарь хлопает Пита по плечу:

– Если хочешь, мы можем сейчас закончить.

Пит криво усмехается:

– Что мы еще должны обсудить?

– Ну, вообще-то я собирался спросить, что ты думаешь о разгоревшейся войне, но ты, кажется, слишком взволнован...

– Я отвечаю. – Пит делает глубокий вдох и смотрит прямо в камеру. – Я хочу, чтобы все, кто меня сейчас видит, неважно, на чьей вы стороне – Капитолия или повстанцев, задумались на минуту, к чему приведет эта война. Мы едва не вымерли во время предыдущей. Теперь нас меньше. Наше положение еще более шаткое. Так чего же мы хотим? Истребить человечество? В надежде... что на дымящихся руинах нашей цивилизации поселится другой, более разумный вид?

– Я не... не совсем понимаю...

– Нам нельзя воевать друг с другом, Цезарь. Нас и без того слишком мало. Если мы все не сложим оружие – и притом немедленно, – человечеству конец.

– То есть ты призываешь к перемирию?

– Да. Я призываю к перемирию, – устало повторяет Пит. – А теперь пусть охрана ответит меня обратно, и я построю еще сотню картонных домиков.

Цезарь поворачивается к камере:

– Что ж, на этом специальный выпуск завершен, мы возвращаемся к нашему обычному вещанию.

Звучит финальная музыка, затем дикторша зачитывает список товаров, нехватка которых ожидается в ближайшее время: свежие фрукты, солнечные батареи, мыло. Я не отрываюсь от экрана, будто меня это страшно интересует, знаю – все ждут моей реакции. А как тут реагировать, когда я сама не понимаю, что чувствую. Пит – жив и здоров! И он защищает меня перед Капитолием. А сам, похоже, с ним сотрудничает, раз призывает к перемирию. Да, конечно, он говорил так, будто осуждает обе стороны, но сейчас, пока преимущества у повстанцев столь незначительны, перемирие может означать только одно – все станет как прежде. Или хуже.

За спиной слышатся обвинения в адрес Пита. «Предатель», «лгун», «враг». Слова мячиками отскакивают от стен. Я не могу возразить и согласиться тоже не могу. Поэтому решаю просто уйти. Едва я достигаю двери, как над общим ропотом возвышается голос Койн:

– Тебя никто не отпускал, солдат Эвердин.

Один из ее людей кладет руку мне на плечо. Вполне безобидное действие, но после арены любое прикосновение я воспринимаю в штыки. Вырываюсь, бегу по коридорам. Сзади слышны звуки борьбы, но я не останавливаюсь. Быстро перебрав в уме свои маленькие укрытия, заскакиваю в подсобку образовательного центра и приваливаюсь к коробке с мелом.

– Ты жив, – шепчу я, прижимая ладони к щекам. Мои губы растянуты в такую широкую улыбку, что она, должно быть, смахивает на гримасу.

Пит – жив. Он предатель. Но для меня это сейчас неважно. Не имеет значения, что он говорит, как говорит и по чьему наущению. Главное, что он вообще способен говорить.

Через некоторое время дверь открывается, и кто-то входит. Ко мне подсаживается Гейл. Из носа у него идет кровь.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

– Преградил дорогу Боггсу.

Вытираю ему нос своим рукавом.

– Полегче!

Я стараюсь сильно не нажимать. Промокаю, а не вытираю.

– Кто это?

– Да ты его знаешь. Правая рука Койн. Это он хотел тебя остановить.

Гейл отстранил мою руку.

– Брось! Так я у тебя совсем кровью истеку.

Действительно, после моих стараний кровь уже не капает, а бежит ручьем. Лучше бы не бралась.

– Ты дрался с Боггсом?

– Нет, просто встал в дверях, когда тот хотел бежать за тобой, вот и получил локтем по носу.

– Тебя, наверное, накажут.

– Уже. – Гейл поднял руку. Я смотрю на нее непонимающим взглядом. – Койн забрала у меня телебраслет.

Закусываю губу, силясь сохранить серьезный вид. Все так глупо.

– Сожалею, что доставила вам неприятности, солдат Гейл Хоторн.

– Не стоит, солдат Китнисс Эвердин, – улыбается Гейл. – Все равно я чувствовал себя придурком с этой штуковиной.

Мы оба смеемся.

– Кажется, я безнадежно упал в их глазах.

Вот что мне нравится в Тринадцатом: здесь я могу видеться с Гейлом. Капитолий нам теперь не указ, и мы снова стали друзьями. Гейла это устраивает – во всяком случае, с поцелуями он ко мне не лезет и разговоров о любви не затевает. Может, из-за того, что я еще толком не оправилась, может, хочет дать мне время разобраться со своими чувствами. Или потому, что это будет подло, пока Пит находится в руках Капитолия. Как бы то ни было, теперь у меня снова есть товарищ, с которым я могу делиться сокровенным.

– Что они за люди? – спрашиваю я.

– Такие же, как мы. Но у них было ядерное оружие, а у нас только пара угольных глыб – вот и вся разница.

– Хочется верить, что Двенадцатый не бросил бы остальных повстанцев на произвол судьбы. Тогда, в Темные Времена.

– Кто знает. Если стоит выбор – уступить или начать ядерную войну. Удивительно, как им вообще удалось выжить.

Может быть, оттого, что пепел родного дистрикта еще не успел осыпаться с моих ботинок, я впервые чувствую к Тринадцатому то, в чем до сих пор ему отказывала, – уважение. Он сумел выжить. Несмотря ни на что. Страшно представить, каково тут было в первые годы. Горстка людей, загнанных в подземелье под сожженным дотла городом. Помощи ждать не от кого. За семьдесят пять лет они многому научились, из граждан превратились в солдат и создали новое автономное общество. Они были бы еще сильнее, если бы их не подкосила

оспа. Рождаемость упала, и потребовался приток новой крови. Их можно считать солдатами, послушными винтиками, сухарями, но они живы. И они бросают вызов Капитолию.

– Не слишком-то они торопились себя проявить, – ворчу я.

– Не все так просто. Нужно было создать базу повстанцев в Капитолии, развернуть подполье во всех дистриктах, – говорит Гейл. – Потом понадобился кто-нибудь, кто привел бы все это в действие. Им была нужна ты.

– Им был нужен Пит, тут они просчитались.

Лицо Гейла мрачнеет.

– Сегодня Пит порядком нам навредил. Большинство повстанцев, конечно, пропустят его призыв мимо ушей, но есть дистрикты, где сопротивление слишком слабое. Хотя идея перемирия явно исходит от президента Сноу, в устах Пита она звучит разумно.

Я боюсь услышать ответ Гейла, но все равно спрашиваю:

– Как думаешь, почему он это сделал?

– Возможно, его пытали. Или просто убедили. Но мне кажется, Пит пошел с ними на сделку, чтобы спасти тебя. Он призывает к перемирию, а Сноу позволяет ему представить дело так, будто ты запутавшаяся беременная девушка и мятежники обманом тебя похитили. Если дистрикты потерпят поражение, у тебя будет шанс на помилование, при условии что ты правильно разыграешь эту карту.

Должно быть, вид у меня не шибко умный, потому что следующую фразу Гейл произносит очень медленно:

– Китнисс... Пит до сих пор пытается спасти тебе жизнь.

Спаси мне жизнь? И тут до меня доходит. Игры все еще продолжаются. Арена позади, но поскольку мы с Питом оба живы, его последнее желание – сохранить мне жизнь – все еще в силе. Он рассчитывает на то, что я буду сидеть тихо, не высовываясь, будто меня держат в плену. Тогда никому не понадобится меня убивать. А Пита? Победа повстанцев обернется для него гибелью. Если верх одержит Капитолий, кто знает? Может быть, нас обоих пощадят – конечно, если я правильно разыграю карту, – и мы до конца жизни будем смотреть Игры...

Перед глазами проносятся жуткие картины: копьё, пронзающее насквозь тело Руты; избитый до бесчувствия Гейл у позорного столба; мой дистрикт, опустошенный и заваленный трупами. Ради чего? Ради чего? Кровь закипает у меня в жилах, картины меняются. Я вижу первый акт неповиновения, которому стала свидетелем в Восьмом дистрикте. Победителей, стоящих рука об руку в ночь перед Квартальной бойней. Мою стрелу, выпущенную в силовое поле. Случайно? Как бы не так! Я мечтала вонзить ее в самое сердце врага!

Я вскакиваю и опрокидываю коробку с карандашами, которые раскатываются по всему полу.

– Что такое? – спрашивает Гейл.

– Не будет никакого перемирия. – Я подбираю палочки с темно-серым графитом, сую их обратно в коробку. Получается плохо. – Мы не должны отступать.

– Я знаю. – Гейл сгребает карандаши в ладонь и постукивает по полу, чтобы выровнять.

– И все равно Пит не прав.

Дурацкие деревяшки никак не влезают в коробку, я пытаюсь запихнуть их силой, и некоторые ломаются.

– Знаю. Дай сюда. Ты их так все переломаешь.

Гейл забирает у меня коробку и быстрыми точными движениями укладывает в нее карандаши.

– Пит не знает, во что превратился Двенадцатый. Он не видел своими глазами, как я...

– Китнисс, я не спорю. Если бы я мог нажать на кнопку и убить всех, кто работает на Капитолий, я бы это сделал. Без колебаний. – Гейл засовывает последний карандаш в коробку и закрывает крышку. – Вопрос в том, как поступишь ты.

Внезапно я понимаю, что этот вопрос, мучивший меня столько времени, всегда имеет лишь один ответ. Но только выходка Пита помогла мне его осознать.

Как я поступлю?

Я набираю в грудь воздуха. Поднимаю руки, словно вспомнив черно-белые крылья, которые дал мне Цинна.

– Я стану Сойкой-пересмешницей.

3

В глазах Лютика отражается тусклый свет ночника над дверью. Кот снова на своем посту, под боком у моей сестры, защищает ее от ночных опасностей. Прим прижалась спиной к матери. Втроем они выглядят точь-в-точь как в утро перед той Жатвой, что привела меня на Игры.

У меня отдельная кровать. Во-первых, я еще не совсем поправилась, во-вторых, спать со мной рядом все равно невозможно. Из-за кошмаров я мечусь и толкаюсь.

Проворочавшись без толку несколько часов, я наконец смиряюсь с тем, что в эту ночь мне не заснуть. Спускаю ноги на холодный плиточный пол и под пристальным взглядом Лютика на цыпочках крадусь к комоду.

В среднем ящике лежит моя казенная одежда. Тут все носят одинаковые серые рубахи, заправленные в такие же серые штаны. Под одеждой я храню те немногие вещи, что были при мне, когда меня вытащили с арены. Брошка с сойкой-пересмешницей, талисман Пита, золотой медальон с фотографиями мамы, Прим и Гейла внутри, серебряный парашют с трубочкой, чтобы добывать живицу, и жемчужина, которую Пит подарил мне за несколько часов до того, как я взорвала силовое поле. Тюбик с мазью у меня забрали. Для госпиталя. Лук и стрелы тоже. Оружие выдают только охранникам, остальное хранится в арсенале.

Я шарю по дну ящика и достаю подарок Пита. Потом усаживаюсь по-турецки на кровати. Касаюсь губами гладкой переливчатой поверхности жемчужины. Как ни странно, меня это успокаивает.словно сам Пит целует меня прохладными губами.

– Китнисс? – шепчет Прим. Она проснулась и смотрит на меня сквозь темноту. – Что случилось?

– Ничего. Просто плохой сон. Спи, – машинально говорю я. Я привыкла не посвящать маму и Прим в свои дела. Для их же безопасности.

Осторожно, чтобы не разбудить маму, Прим выбирается из кровати, забирает Лютика и подсаживается ко мне. Дотрагивается до моей руки, сжимающей жемчужину.

– Ты замерзла.

Она берет в ногах кровати запасное одеяло и накрывает им нас обеих вместе с Лютиком. Тепло Прим и жар пушистого кошачьего тела окутывают меня со всех сторон.

– Расскажи мне. Я умею хранить секреты. Даже от мамы.

Куда делась та девчушка с выбившейся и торчащей сзади, как утиный хвостик, блузкой? Пигалица, что не могла дотянуться до верхней полки буфета и тащила меня посмотреть на глазированные пироги в витрине булочной? Тяготы и заботы быстро сделали ее взрослой. Слишком быстро. Моя сестренка умеет зашивать кровавые раны и понимает, о чем можно рассказывать маме, а о чем нет.

– Завтра утром я соглашусь быть Сойкой, – говорю я.

– Ты сама этого хочешь или тебя вынудили?

Я усмехаюсь.

– Наверное, и то и другое. Нет. Я хочу. Я обязана, если это хоть чем-то поможет мятежникам победить Сноу. – Мои пальцы с силой сжимают жемчужину. – Только вот... Пит. Боюсь, если мы победим, мятежники казнят его как предателя.

Прим задумывается.

– Китнисс, по-моему, ты не понимаешь, как сильно им нужна. Они пойдут тебе на уступки. Ты сможешь защитить Пита, если захочешь.

Пожалуй, я и впрямь важная фигура. Сколько им пришлось потрудиться, чтобы меня спасти! А потом даже доставили меня в Двенадцатый дистрикт.

– Ты хочешь сказать... я могу потребовать, чтобы они предоставили Питу неприкосновенность? Думаешь, они согласятся?

– Я думаю, ты можешь потребовать что угодно, и они никуда не денутся. – Прим морщит лоб. – Только вот... сдержат они свое слово?

Да уж. Сколько всего наврал Хеймитч, чтобы мы с Питом делали то, что ему нужно. Почему бы мятежникам не поступить так же? Устное обещание, данное за закрытыми дверями, или даже письменный документ недорого стоят. После войны окажется, что никто мне ничего не обещал, а бумаги недействительны. На свидетелей в штабе полагаться нельзя. Они, может, сами смертный приговор и подпишут. Свидетелей должно быть много. Так много, сколько возможно.

– Нужно публичное заявление, – говорю я. Лютик взмахивает хвостом. Видимо, одобряет. – Я потребую, чтобы Койн выступила перед жителями Тринадцатого.

Прим улыбается.

– Отличная идея. Конечно, это не полная гарантия, но так им, по крайней мере, будет труднее пойти на попятную.

Я чувствую облегчение, как всегда, когда решение окончательно принято.

– Пожалуй, надо будить тебя почаще, утенок.

– Я не против, – говорит Прим и чмокает меня в щеку.

– Постарайся теперь заснуть, хорошо?

И я засыпаю.

На следующее утро у меня 7.00 – *Завтрак*, потом сразу 7.30 – *Штаб*. Что ж, тем лучше. К чему затягивать? В столовой провожу рукой перед сенсором – кроме расписания на ней указано что-то вроде индивидуального номера. Двигаю поднос по металлической стойке мимо котлов с едой. Рацион на диво стабильный – миска горячей каши, чашка молока, что-нибудь фруктовое или овощное. Сегодня пюре из репы. Продукты доставляются с собственных подземных ферм Тринадцатого. Сажусь за стол – он общий для нескольких семей беженцев, включая Эвердин и Хоторнов, – и быстро уплетаю еду, мечтая о добавке, которой мне никто не даст. К питанию тут подходят с научной точки зрения. Ты получаешь ровно столько калорий, сколько необходимо, чтобы дотянуть до следующего приема пищи, ни больше, ни меньше. Размер порции зависит от возраста, роста, телосложения, состояния здоровья и доли физического труда в твоём расписании. Нас, беженцев из Двенадцатого, кормят все-таки немного лучше, чем местных, чтобы мы поднабрали вес. Видимо, из тех соображений, что тощие солдаты быстрее устают. Что ж, результат налицо. Прошел всего месяц, а мы уже выглядим здоровее, особенно дети.

Рядом ставит свой поднос Гейл. Стараюсь не слишком жалобно смотреть на его пюре. Гейл и так часто со мной делится. Усилием воли отворачиваюсь и аккуратно складываю салфетку, но тут мне в миску шлепается полная ложка репы.

– Прекрати так делать, – ворчу я. Звучит не слишком убедительно, учитывая, что я тут же набрасываюсь на угощение. – Нет, правда. Может быть, это запрещено.

С едой тут очень строго. Если ты, к примеру, что-то не доешь, то выносить это из столовой нельзя. Наверное, поначалу кое-кто пытался делать запасы. Людям вроде меня и Гейла, которые годами добывали пропитание для своих семей, здешние правила не по нутру. Пусть мы раньше частенько голодали, зато, если уж доставали еду, могли распорядиться ею, как душе угодно. В каком-то смысле Тринадцатый дистрикт контролирует своих обитателей даже больше, чем Капитолий.

– Что они мне сделают? Телебраслет уже забрали, – говорит Гейл.

Я все еще пытаюсь что-то выскрести из миски, и тут меня озаряет:

– А что, если поставить им такое условие, раз они хотят, чтобы я была Сойкой?

– Чтобы мне разрешили кормить тебя репой? – осведомляется Гейл.

– Нет. Разрешили нам охотиться.

Глаза Гейла тут же оживляются, и я продолжаю:

– Конечно, добычу придется отдавать на кухню. Но мы хотя бы...

Заканчивать не требуется, Гейл и так все понимает. Мы могли бы выбраться наружу. Бродить по лесу. Быть самими собой.

– Попробуй, – говорит Гейл. – Сейчас самый подходящий момент. Захочешь луну с неба, из кожи вылезут, но достанут.

Гейл не знает, что еще я собираюсь просить. Боюсь, это так же реально, как луна с неба. Пока раздумываю, сказать ему или нет, звенит колокол. Пора уступать места следующей смене. При мысли о встрече с Койн мне становится не по себе.

– Что у тебя дальше в расписании?

Гейл смотрит на руку.

– История ядерных технологий в образовательном центре. Тебя там, кстати, уже заждались.

– Мне нужно в штаб. Пойдешь со мной?

– Ладно. Если меня оттуда не вышвырнут после вчерашнего.

Мы относим подносы и выходим.

– Думаю, надо включить в условия Лютика, – говорит Гейл. – Сдается мне, бесполезных домашних питомцев тут не жалуют.

– Ничего, подыщут ему работу. Будет каждое утро получать расписание на лапу, – отшучиваюсь я, но мысленно включаю кота в список условий. Ради Прим.

Койн, Плутарх и их подручные уже в сборе. При виде Гейла некоторые поднимают брови, но прогнать его никто не решается. В голове у меня начинает все путаться, поэтому я сразу прошу лист бумаги и карандаш. Моя нечаянная деловитость явно застаёт присутствующих врасплох, несколько человек озадаченно переглядываются. Вероятно, для меня готовилась какая-нибудь особенно проникновенная лекция. Вместо этого Койн собственноручно подает мне писчие принадлежности, и все молча ждут, пока я усаживаюсь за стол и корябаю свой список.

Лютик. Охота. Прощение Пита. Публичное заявление.

Ну, все? Второго шанса, возможно, не будет. Думай. Что еще тебе нужно? За плечом стоит Гейл. Я чувствую его присутствие. «Гейл», – пишу я. Без него я не справлюсь.

Голова начинает болеть, мысли скачут. Я закрываю глаза и проговариваю про себя:

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать лет. Мой дом в Двенадцатом дистрикте. Я участвовала в Голодных играх. Сбежала. Капитолий меня ненавидит. Пит в плену. Он жив. Он предатель, но он жив. Я должна его спасти...

Список... Я так мало написала. Нужно думать шире, смотреть дальше своего носа. Сейчас я для них имею огромное значение, но так будет не всегда. Попросить что-нибудь еще? Для семьи? Для горстки выживших из моего дистрикта? Я все еще чувствую пепел мертвецов на своей коже. Удар ноги о череп. Запах крови и роз.

Карандаш двигается сам по себе. Открываю глаза и вижу пляшущие буквы. Я УБЬЮ СНОУ. Если его захватят в плен, я хочу, чтоб мне предоставили такое право.

Плутарх вежливо кашляет.

– Ну как, готово?

Поднимаю голову и вижу часы. Я сижу уже двадцать минут! Не у одного Финника проблемы с концентрацией.

– Да, – говорю я. Голос звучит хрипло, и я откашливаюсь. – Да, я согласна. Я буду вашей Сойкой.

Вокруг слышатся вздохи облегчения, взаимные поздравления и похлопывания по плечам. Только Койн все такая же невозмутимая. Будто ничего другого и не ожидала.

– Но у меня несколько условий. – Я разглаживаю листок и начинаю: – Моей семье будет позволено оставить кота.

Даже такая невинная просьба вызывает спор. Капитолийцы не видят тут ничего особенного – в самом деле, почему бы нам не держать домашнее животное? – зато местные сразу находят массу невероятных трудностей. В конце концов нас решают переселить в отсек на верхнем уровне, где есть роскошное окно, на целых восемь дюймов выступающее над поверхностью земли. Лютик сможет выходить, когда захочет, и делать свои дела. Еду будет добывать себе сам. Не вернется до комендантского часа – останется на улице. При малейшей угрозе безопасности его застрелят.

Не так уж плохо. Вряд ли ему много лучше жилось в Двенадцатом, когда там никого не осталось. Только что застрелить было некому. А если сильно отощает, уж trebuхи я ему как-нибудь раздобуду – конечно, если будет принято мое следующее условие.

– Я хочу охотиться. С Гейлом. В лесу, – говорю я, и в зале повисает тишина.

– Мы не станем далеко уходить. Луки у нас свои. А мясо будем отдавать на кухню, – добавляет Гейл.

Быстро продолжаю, прежде чем кто-то скажет «нет»:

– Я... я тут задыхаюсь... Сижу взаперти, как... Мне бы сразу стало лучше, если бы я... могла охотиться.

Плутарх излагает свои возражения – всевозможные опасности, риск травмы, дополнительные меры защиты, – но Койн его прерывает.

– Нет. Пусть охотятся. Два часа в день за счет учебных занятий. Радиус – четверть мили. С рациями и маячками на ногах. Что еще?

Бросаю взгляд на листок.

– Гейл. Нужно, чтобы он был со мной.

– В каком смысле? Присутствовал на съемках? Снимался вместе с тобой? Выступил в качестве твоего нового возлюбленного?

Вопрос был задан совершенно по-деловому, без тени язвительности, но я чуть не задохнулась от возмущения.

– Что?!

– Думаю, с любовными отношениями пусть все остается, как есть, – говорит Плутарх. – Зрителям может не понравиться, если Китнисс слишком быстро отвернется от Пита. Тем более что она якобы ждет от него ребенка.

– Согласна. На экране Гейл может изображать соратника. Так подойдет?

Я молча таращусь на Койн. Та нетерпеливо повторяет:

– По этому пункту? Все устраивает?

– Мы можем представить его твоим кузеном, – замечает Фульвия.

– Мы не родственники, – произносим мы с Гейлом одновременно.

– Да, но для выступлений так, пожалуй, действительно лучше, – говорит Плутарх. – Чтобы не было лишних вопросов. В остальное время он может быть кем угодно. Еще условия будут?

Разговор совершенно выбил меня из колеи. Послушать их, выходит, будто мы с Гейлом любовники, на Пита мне наплевать, и вообще все было притворством. Мои щеки пылают. Неужели они всерьез считают, будто я в такой ситуации размышляю, кого лучше выставить своим любовником? Да за кого они меня принимают?! От злости мне даже не надо собираться с духом перед самым большим требованием:

– После войны, если мы победим, я хочу, чтобы Пита помиловали.

Мертвая тишина. Я чувствую, как напрягся Гейл. Наверно, надо было сказать ему раньше, но я не знала, как он отреагирует. Потому что речь идет о Пите.

– Он не должен понести никакого наказания, – продолжаю я. Тут мне приходит в голову еще одна мысль: – То же самое касается других трибутов, Джоанны и Энорабии.

По правде говоря, меня меньше всего волнует судьба Энорабии. Злобная стерва из Второго дистрикта никогда мне не нравилась. Однако не упомянуть ее одну кажется неправильным.

– Нет, – твердо произносит Койн.

– Да, – так же твердо отвечаю я. – Они не виноваты, что вы бросили их на арене. Кто знает, что теперь делает с ними Капитолий?

– Их будут судить вместе с другими военными преступниками. Как с ними поступить, решит трибунал.

– Они будут помилованы! – Я вскакиваю со стула. В моем голосе звенит металл: – Вы лично поручитесь за это перед жителями Тринадцатого дистрикта и беженцами из Двенадцатого. В ближайшее время. Сегодня. Запись выступления будет сохранена для будущих поколений. Отвечать за безопасность трибутов будет правительство и вы, президент Койн, иначе ищите себе другую сойку!

Мои слова надолго повисают в воздухе.

– Вот оно! – слышу я, как Фульвия шепчет Плутарху. – В самую точку. Еще костюм, выстрелы на заднем плане, да дыма подпустить...

– Да, то, что надо, – шепчет Плутарх в ответ.

Я бы, наверное, испепелила их взглядом, но понимаю, что мне нельзя выпускать из поля зрения Койн. Особенно сейчас, когда она взвешивает мои требования и пользу, которую я могу принести.

– Ваше решение, президент? – спрашивает Плутарх. – Может быть, объявить амнистию в виду особых обстоятельств. Этот мальчик... он ведь даже не совершеннолетний.

– Хорошо, – наконец говорит Койн. – Но тебе придется очень постараться.

– Я постараюсь, когда вы сделаете заявление, – заверяю я.

– Объявите, что сегодня во время анализа дня состоится общее собрание по вопросам национальной безопасности, – приказывает она. – Я выступлю с заявлением. Есть еще условия, Китнисс?

Листок у меня в руке превратился в измятый комок. Расправляю его на столе и читаю корявые буквы.

– Только одно. Я убью Сноу.

Впервые за все время на губах президентши появляется подобие улыбки.

– Когда дело дойдет до этого, бросим монетку.

Пожалуй, она права. Не у меня одной есть причины убить Сноу. В этом вопросе я могу положиться на Койн, как на саму себя.

– Идет.

Койн бросает взгляд на руку, потом на часы. Президент тоже живет по расписанию.

– Поручаю ее тебе, Плутарх. – Койн со своей командой выходит из зала, где остаются только Плутарх, Фульвия и мы с Гейлом.

– Отлично, отлично. – Плутарх опирается локтями на стол, трет глаза. – Знаете, чего мне не хватает больше всего? Кофе. Было б хоть чем запить эту овсянку да репу! Неужели я хочу слишком многого?

– Мы не ожидали, что здесь все так строго, – говорит Фульвия, массируя Плутарху плечи. – Даже в высших кругах.

– Хотя бы из-под полы продавался, – продолжает Плутарх. – В Двенадцатом и то был черный рынок, верно?

– Да, Котел, – говорит Гейл. – Мы там торговали.

– Ну вот. Хотя вы такие честные и неподкупные. – Плутарх вздыхает. – Ну да ладно, все войны когда-нибудь кончаются. Хорошо, что вы теперь в нашей команде.

Он протягивает руку, и Фульвия подает ему большой альбом в черном кожаном переплете.

– В целом ты уже имеешь представление, чего мы от тебя хотим, Китнисс. Знаю, решение далось тебе нелегко, но у меня, думаю, есть то, что поможет тебе избавиться от сомнений.

Плутарх пододвигает ко мне альбом. Минуту я смотрю на него с подозрением. Затем любопытство берет верх. Я открываю его и вижу на первой странице – саму себя. Стройную, сильную, в черной форме. Только один человек мог создать такую одежду. За кажущейся простотой – истинное мастерство художника. Стремительный контур шлема, изогнутая линия нагрудника, слегка расширенные рукава... Я снова Сойка. Благодаря ему.

– Цинна, – шепчу я.

– Да. Он заставил меня пообещать, что я не покажу его тебе, пока ты сама не примешь решение. Я едва вытерпел, можешь мне поверить. Ну, давай, листай дальше.

Медленно переворачиваю страницы, внимательно рассматривая каждую деталь. Нательная броня с тщательно подогнанными слоями, замаскированное оружие в ботинках и поясном ремне, специальные защитные пластины в области сердца. На последней странице набросок моей броши и подпись Цинны: «Я по-прежнему ставлю на тебя».

– Когда он... – Слова застревают у меня в горле.

– Э-э... точно не припомню. После того как объявили о Квартальной бойне. За пару недель до начала Игр, наверное. Эскизы – это не все. Форма уже готова! И Бити для тебя кое-что смастерил. Внизу, в арсенале. Все, молчу, молчу! Сама увидишь.

– Будешь самой элегантной мятежницей в истории, – улыбается Гейл.

Тут я понимаю, что он тоже знал. И с самого начала хотел, чтобы я согласилась.

– Мы разработали план информационной атаки, – рассказывает Плутарх. – Снять серию агитроликов с твоим участием и показать их всему населению Панема.

– Но как? Все телетрансляции идут через Капитолий, – говорит Гейл.

– Зато у нас есть Бити. Лет десять назад он занимался модернизацией подземной ретрансляционной сети. Считает, должно получиться. Конечно, сначала надо иметь, что показывать. Короче, Китнисс, студия тебя ждет не дождется. – Плутарх поворачивается к своей помощнице: – Фульвия?

– Мы с Плутархом долго думали и решили, что лучше всего начать с внешнего облика лидера повстанцев и уже от него перейти к... внутреннему. Другими словами, мы создаем тебе самый потрясный образ Сойки, какой только может быть, а потом работаем над тем, чтобы твой внутренний настрой ему соответствовал! – бодро докладывает Фульвия.

– Ну, форма-то для нее уже есть, – говорит Гейл.

– Да, но только форма! А боевые шрамы? Кровь? Дух мятежа, наконец? Лидер должен выглядеть устрашающе. Хотя перестараться тоже нельзя, чтобы не отпугнуть зрителей. Во всяком случае, она должна собой что-то представлять! Так, как есть... – подступив, Фульвия берет в ладони мое лицо, – абсолютно не годится.

Я рефлекторно отдергиваю голову, но Фульвия уже отвернулась и собирает со стола свои вещи.

– У нас для тебя еще один маленький сюрприз. Пошли.

Она машет нам рукой, и мы с Гейлом выходим вслед за ней и Плутархом в коридор.

– Вроде бы хочет, как лучше, а ведет себя посвински, – шепчет мне на ухо Гейл.

– Добро пожаловать в Капитолий, – произношу я одними губами.

Слова Фульвии не произвели на меня впечатления. Однако я крепче сжимаю альбом и позволяю себе надеяться на лучшее. Наверное, я приняла правильное решение, если так хотел Цинна.

Мы входим в лифт.

– Минутку. – Плутарх сверяется с записной книжкой. – Отсек три-девять-ноль-восемь. Он нажимает кнопку с номером 39. Ничего не происходит.

– Надо вставить ключ, – говорит Фульвия.

Плутарх достает из-под рубашки ключ на тоненькой цепочке и вставляет его в отверстие, которое я до сих пор не замечала. Двери закрываются.

– Ну вот.

Лифт едет вниз. Десять этажей, двадцать, тридцать! Все ниже и ниже. Я даже не подозревала, что Тринадцатый дистрикт уходит на такую глубину. Наконец створки разъезжаются, мы ступаем в широкий белый коридор с рядом красных дверей. По сравнению с серыми тонами на верхних этажах это кажется почти роскошью. На каждой двери ясно обозначен номер: 3901, 3902, 3903...

Я оглядываюсь на кабину и вижу, как поверх обычных дверок задвигается еще и металлическая решетка. Пока я смотрела на нее, появился охранник. Одна из дверей в дальнем конце коридора бесшумно покачивается на петлях.

Плутарх, вытянув руку, идет навстречу охраннику, мы следуем за ним. Мне тут как-то не по себе. Решетка, замкнутое пространство глубоко под землей, едкий запах дезинфекции... И еще что-то. Я бросаю взгляд на Гейла и понимаю, что он чувствует то же самое.

– Доброе утро, мы ищем... – начинает Плутарх.

– Вы ошиблись этажом, – резко обрывает его охранник.

– Неужели? – Плутарх снова смотрит в блокнот. – У меня записано три-девять-ноль-восемь. Позвоните сами и...

– Сожалею, но я вынужден попросить вас уйти. По поводу ошибок в нумерации обращайтесь в главный офис.

Комната 3908 прямо перед нами. Всего в нескольких шагах. Дверь выглядит немного странно – точнее, все двери. Чего-то не хватает. Точно. Нет ручек. Видимо, двери свободно открываются в обе стороны, как та, из которой вышел охранник.

– Напомните-ка, где он находится? – просит Фульвия.

– Главный офис на седьмом этаже, – говорит охранник и разводит руки в стороны, подгоняя нас обратно к лифту.

Тут из-за двери 3908 доносится звук. Тихий, жалобный. Похож на скулеж зашуганной собаки, которую хотят пнуть ногой, только слишком человеческий и знакомый. Мы с Гейлом встречаемся взглядами. Всего на миг, но для людей, привыкших действовать как единое целое, этого достаточно. В следующую секунду я с шумом роняю альбом Цинны к ногам охранника, а когда тот за ним нагибается, Гейл наклоняется тоже, и оба сталкиваются лбами.

– Ой, простите, – смеется Гейл, хватая охранника за руки, чтобы устоять на ногах, и в то же время слегка оттирая его в сторону.

Это мой шанс. Я проскакиваю мимо отвлекшегося охранника, толкаю дверь с цифрой 3908 и – что это? На полу, полуголые, все в синяках, прикованные к стене сидят... помощники Цинны.

Моя команда подготовки.

4

Дезинфекции в воздухе столько, что хоть топор вешай, но и она не в силах отбить вонь немых тел, застарелой мочи и гниющих язв. Едва ли я бы узнала своих старых знакомых, если бы не их капитолийские выверты – золотые татуировки на лице Вении, закрученные штопором оранжевые локоны Флавия и вечнозеленый цвет кожи у Октавии. Кожа выглядит дряблой, как сдувшийся шарик.

При виде меня Флавий и Октавия вжимаются в кафельную стену, будто ожидая удара, хотя я им никогда ничего плохого не делала. Злилась – бывало, да и то про себя. Почему же они от меня шарахаются?

Охранник приказывает мне выйти, потом слышится возня. Гейл как-то сумел его задержать. В поисках ответов я подхожу к Вении – она всегда была самой сильной из них. Приседаю на корточки и беру ее холодные как лед руки. Они сжимают мои ладони, словно тиски.

– Что случилось, Вения? – спрашиваю я. – Что вы тут делаете?

– Они увезли нас. Из Капитолия, – хрипло произносит она.

Сзади подходит Плутарх.

– Что здесь происходит?

– Кто вас увез? – допытываюсь я.

– Они, – расплывчато отвечает она. – Ночью, когда ты сбежала.

– Мы подумали, что тебе будет приятнее работать с привычной командой, – говорит Плутарх позади меня. – И Цинна так хотел.

– Цинна хотел этого? – рычу я. Потому что одно знаю точно – Цинна любил свою команду и никогда бы не одобрил такого. – Почему с ними обращаются как с преступниками?

– Честно – не знаю.

Что-то в голосе Плутарха заставляет меня поверить в его искренность, да и бледное лицо Фульвии выглядит убедительно.

Плутарх поворачивается к охраннику, который вместе с Гейлом как раз появился в дверях.

– Мне только сказали, что их держат под стражей. За что они наказаны?

– За кражу еды. Схватили и не хотели отдавать. Пришлось принять меры, – бурчит охранник.

Вения хмурит брови, будто пытается что-то понять.

– Нам ничего не объяснили. Мы очень хотели есть. Взяли всего один ломтик.

Октавия плачет, уткнувшись в свою оборванную тунику, чтобы заглушить всхлипы. Помню, когда я первый раз вернулась живой с арены, Октавия сунула мне под столом булочку. Видела, что я осталась голодной. Я осторожно приближаюсь к ее трясущейся от рыданий фигурке.

– Октавия.

Она вздрагивает от моего прикосновения.

– Все будет хорошо, Октавия. Я тебя отсюда вытащу. Обещаю.

– Ну, знаете, это уж слишком, – возмущается Плутарх.

– И все из-за какого-то куска хлеба? – спрашивает Гейл.

– Это уже не первое нарушение. Их предупреждали. А они все равно украли хлеб. – Охранник на мгновение замолкает, словно поражаясь их тупости. – Сказано же – нельзя брать хлеб!

Октавия все еще не решается открыть лицо, только слегка приподнимает голову. Кандалы на ее запястьях сдвигаются на несколько дюймов, обнаруживая кровоточащие раны.

– Я отведу их к моей матери, – говорю я охраннику. – Снимите цепи.

Мужчина качает головой.

– У меня нет на это полномочий.

– Снимите цепи! Немедленно! – кричу я.

Это выводит охранника из равновесия. Обычные граждане не разговаривают с ним в таком тоне.

– Я не получал приказа об освобождении. У вас нет права...

– У меня есть, – прерывает его Плутарх. – Мы в любом случае собирались их забрать. Они нужны отделу спецбезопасности. Всю ответственность беру на себя.

Охранник уходит, чтобы кому-то позвонить. Возвращается со связкой ключей. Арестанты так долго находились в одном положении, что с трудом могут идти. Нам приходится им помогать. Нога Флавия проваливается в металлическую решетку над круглым отверстием в полу. У меня холодеет в животе, когда понимаю, для чего в комнате понадобился сток, – так проще смывать с белых плиток следы человеческих страданий. Струей из шланга.

В больнице я нахожу маму – единственного человека, кому могу доверить пленников. Она с трудом их узнает – в таком они состоянии, и на ее лице отражается страх. Я ее понимаю. Одно дело каждый день видеть, как измываются над людьми в Двенадцатом, другое – осознать, что и здесь происходит то же самое.

Маму с радостью приняли на работу в больницу, правда, она тут скорее медсестра, чем врач, несмотря на то, что всю жизнь лечила людей. Однако ей никто не мешает провести нашу троицу в смотровую, чтобы самой обследовать. Я жду в коридоре на скамейке. Если их пытали, мама увидит.

Рядом садится Гейл и обнимает меня за плечи.

– Ничего, твоя мама их быстро подлатает.

Я киваю. Интересно, Гейл тоже сейчас вспомнил, как его стегали плетьюми в Двенадцатом?

Плутарх и Фульвия садятся на скамейку напротив. Молчат. Если они ничего не знали о наказании, им должно быть неприятно, что президент Койн с ними даже не посоветовалась. Я решаю их подтолкнуть.

– Думаю, это предупреждение всем нам, – говорю я.

– Что? Нет... Что ты имеешь в виду? – спрашивает Фульвия.

– Их наказали, чтобы продемонстрировать свою власть. Не только мне. Вам тоже. Чтобы знали, кто тут хозяин и что будет, если ослушаться. Если у вас были какие-то иллюзии, лучше избавиться от них прямо сейчас. Капитолийское происхождение тут никого не защитит. Скорее наоборот.

– Как можно сравнивать Плутарха, организатора спасения повстанцев, с этими тремя... стилистами! – ледяным тоном возражает Фульвия.

Я пожимаю плечами.

– Как знаешь, Фульвия. Но что будет, если вы окажетесь в стане врагов Койн? Мою подготовительную команду похитили, но у них есть хотя бы надежда когда-нибудь вернуться в Капитолий. Гейл и я сможем жить в лесу. А вы? Куда денетесь вы двое?

– Надеюсь, от нас все-таки больше пользы, чем тебе кажется, – спокойно замечает Плутарх.

– Я понимаю. Трибуты тоже очень полезны для Игр. И с ними даже неплохо обращаются до поры до времени. Только чем все это заканчивается, ты знаешь не хуже меня, Плутарх.

Больше мы ничего не говорим. Сидим молча, пока не приходит моя мама.

– С ними все будет хорошо, – сообщает она. – Тяжелых телесных повреждений нет.

– Вот и отлично, – говорит Плутарх. – Когда они смогут приступить к работе?

– Возможно, уже завтра. Однако не исключена некоторая эмоциональная неустойчивость. После того, что они пережили. Им особенно тяжело, они ведь из Капитолия.

– Как и все мы, – говорит Плутарх.

То ли потому, что моя подготовительная команда выведена из строя, то ли я и сама выгляжу немногим лучше, Плутарх до конца дня освобождает меня от обязанностей Сойки-пересмешницы. Мы с Гейлом отправляемся в столовую. На обед тушеная фасоль с луком, толстый ломоть хлеба и стакан воды. После рассказа Вении хлеб не лезет мне в горло, я перекалдываю оставшийся кусок на поднос Гейла. За весь обед мы не перекинулись и парой слов. Когда наши тарелки опустели, Гейл закатывает рукав, чтобы свериться с расписанием.

– У меня сейчас тренировка.

– У меня тоже.

Я показываю Гейлу свою руку и вспоминаю, что вместо тренировки у нас теперь охота.

Мне так не терпится убежать в лес, пусть даже всего на пару часов, что все заботы уходят на второй план. Может быть, под солнцем, среди зеленой листвы я скорее разберусь в своих мыслях. Едва миновав центральные коридоры, мы с Гейлом, будто школьники, бегом несемся к арсеналу. Я тяжело дышу, и у меня кружится голова. Все-таки я еще не совсем оправилась от болезни. Охранники выдают нам наше старое оружие, а также ножи и тряпичный мешок вместо охотничьей сумки. Терпеливо жду, пока мне прикрепляют на щиколотку маячок и рассказывают, как пользоваться рацией. Даже делаю вид, будто слушаю. Единственное, что улавливаю – на ней есть часы, и мы должны вернуться в Тринадцатый в указанное время, иначе нас лишат права на охоту. Это условие я постараюсь выполнить.

Мы поднимаемся наверх, на большой огороженный полигон у кромки леса. Забор что надо, просто так не перелезешь. Футов тридцати в высоту, поверху витки стальной ленты, острой как бритва, и непрерывно гудит – видно, пущен ток. Охрана без слов открывает хорошо смазанные ворота. Мы углубляемся в лес до тех пор, пока забор не исчезает из виду. На небольшой полянке останавливаемся и запрокидываем головы, подставляя лица лучам солнца. Я раскидываю руки в стороны и вращаюсь на одном месте – медленно, чтобы не закружилась голова.

Как и в Двенадцатом, здесь давно не было дождя; многие растения увяли, под ногами хрустит ковер из засохших листьев. Мы разуваемся. Все равно это не обувь, а одно мучение. Из бережливости мне выдали старые ботинки, которые стали малы прежнему хозяину. Не знаю, у кого из нас неправильная походка – у меня или у него, но разношены они как-то не так.

Мы охотимся, как в старые добрые времена – молча. Нам не нужны слова, потому что в лесу мы – одно целое. Мы предугадываем движения друг друга, прикрываем друг другу спину. Сколько же прошло с тех пор, как мы ощущали себя такими свободными? Восемь месяцев? Девять? Конечно, сейчас все немного по-другому. Столько всего произошло... на ногах у нас маячки, и мне приходится часто останавливаться, чтобы отдохнуть. И я все равно счастлива – насколько можно быть счастливой в подобных обстоятельствах.

Зверье и птицы тут совсем непуганые. То мгновение, пока они пытаются понять, кто мы, приносит им смерть. Через полтора часа у нас целая дюжина тушек – кролики, белки, индейки, – так что мы бросаем охоту и решаем провести оставшееся время на берегу пруда. Вода в нем холодная и чистая – должно быть, из подземных источников.

Гейл говорит, что сам выпотрошит дичь, я не возражаю. Кладу на язык пару листиков мяты и с закрытыми глазами прислоняюсь к камню, впитывая звуки леса, позволяя горячему послеполуденному солнцу жарить мою кожу. Я наслаждаюсь покоем, пока его не нарушает голос Гейла.

– Китнисс, а почему ты так беспокоишься о своей подготовительной команде?

Я открываю глаза, старясь понять, не шутит ли он, но Гейл сосредоточенно потрошит зайца.

– А что здесь такого?

– Ну, не знаю. Они только и делали, что разукрашивали тебя перед убийством, разве нет?

– Не все так просто. Я знаю их. Они не злые и не жестокие. Даже не шибко умные. Обидеть их – все равно что обидеть ребенка. Они не понимают... не знают... – Я путаюсь в собственных словах.

– Чего не знают, Китнисс? Что трибутов – вот они как раз дети, в отличие от этой троицы уродов, – заставляют убивать друг друга? Что ты идешь умирать на потеху публике? Это такая большая тайна в Капитолии?

– Нет, конечно. Просто они смотрят на это не так, как мы. Они выросли среди этого и...

– Не могу поверить, ты их действительно защищаешь? – Одним быстрым движением Гейл сдирает шкуру с зайца.

Я чувствую себя уязвленной, потому что на самом деле их защищаю, и понимаю, как нелепо это выглядит.

– Я стала бы защищать любого, с кем так обходятся из-за куска хлеба, – говорю я в попытке найти хоть какое-то логическое объяснение. – Возможно, потому, что слишком хорошо помню, что сделали с тобой из-за индейки!

Вообще-то, Гейл прав. И правда странно, что я так переживаю за свою подготовительную команду. Ненавидеть и желать, чтобы их вздернули на виселице, было бы куда естественней. Но они такие наивные, к тому же помогали Цинне, а он ведь был на моей стороне, верно?

– Спорить не буду, – говорит Гейл, – но, по-моему, Койн ничего не собиралась тебе продемонстрировать. Наказала их за нарушение правил, вот и все. Скорее уж думала сделать тебе приятное. – Гейл засовывает кролика в мешок. – Пора двигать обратно, а то опоздаем.

Я игнорирую его протянутую руку и неуверенно поднимаюсь на ноги.

– Пошли.

Всю дорогу по лесу мы молчим, но у ворот мне приходит в голову новая мысль.

– Перед Квартальной бойней Октавия и Флавий так ревели, что даже работать не могли.

А Вения едва выговорила «прощай».

– Постараюсь не забыть об этом, когда они будут... работать над тобой.

– Постарайся.

Мы отдаем мясо на кухню Сальной Сэй. Ей нравится в Тринадцатом, хотя, по ее мнению, здешним поварам не достает воображения. Сама-то она даже из мяса дикой собаки с ревенем рагу состряпает, причем вполне съедобное. Тут так не разгуляешься.

После бессонной ночи и охоты я буквально валюсь с ног от усталости. Иду в свой отсек и – оказываюсь среди голых стен. Только тут вспоминаю, что нас переселили из-за Лютика. Поднимаюсь на верхний этаж и нахожу отсек Е. Он точно такой же, как и триста седьмой, только по центру стены в нем небольшое оконце – два фута в ширину и восемь дюймов в высоту. Окно закрывается толстой металлической пластиной. Сейчас пластина поднята, и кога, конечно, нигде не видно. Я растягиваюсь на кровати, и на моем лице играет луч солнца. В следующую секунду – по крайней мере, мне так кажется, – меня будит сестра. 18.00 – *Анализ дня.*

Прим рассказывает, что после обеда постоянно объявляют о собрании. Должны присутствовать все жители, кроме тех, кто занят на особо важных работах.

Следуя указателям, мы идем в Ассамблею, огромный зал, в котором без труда умещаются несколько тысяч жителей Тринадцатого. Вероятно, тут проводились общие собрания и

до эпидемии оспы, когда народу было много больше. Последствия катастрофы видны и по сей день. Прим тайком показывает мне покрытых рубцами людей, детишек с уродствами.

– Им многое пришлось перенести, – говорит она.

Только после сегодняшнего утра я не настроена на жалость.

– Не больше, чем нам в Двенадцатом.

Я вижу свою мать во главе группы способных передвигаться пациентов, одетых в больничные рубашки и халаты. Среди них Финник, все такой же красивый, несмотря на отрешенный вид. В руках у него кусок тонкой веревки, меньше фута в длину, слишком короткий, чтобы сделать удавку. Пока Финник тупо смотрит кругом, пальцы его быстро двигаются, механически завязывая и развязывая многочисленные узлы. Может, так нужно для лечения.

Я подхожу к нему:

– Привет, Финник.

Он не замечает меня, и я легонько толкаю его, чтобы привлечь внимание.

– Финник! Как дела?

– Китнисс, – произносит он, хватая меня за руку. Наверно, рад увидеть знакомое лицо. – Зачем нас здесь собрали?

– Я сказала Койн, что стану Сойкой-пересмешницей. Взамен я потребовала объявить амнистию остальным трибутам. Публично, чтобы было много свидетелей.

– О, отлично. Знаешь, я беспокоюсь за Энни. Она же не понимает. Скажет что-нибудь не то, а ее посчитают предательницей, – говорит Финник.

Энни. Надо же, совсем про нее забыла.

– Не беспокойся, все будет в порядке.

Я пожимаю Финнику руку и направляюсь прямо к трибуне в передней части зала. Койн, просматривающая перед выступлением свои записи, удивленно поднимает брови.

– Я хочу, чтобы вы добавили в список амнистированных Энни Кресту.

Президентша слегка хмурится.

– Кто это?

– Она...

Я задумываюсь. Кто, в самом деле?

– ...подруга Финника Одэйра. Из Четвертого дистрикта. Тоже победительница Игр. Ее схватили и отправили в Капитолий, когда взорвалась арена.

– А, та сумасшедшая девочка. Тебе незачем за нее просить. У нас не принято карать слабых.

Я вспоминаю утреннее происшествие. Октавию, прижавшуюся к стене. У нас с Койн разные представления о слабости. Вслух я говорю лишь:

– Правда? Тогда почему бы ее просто не добавить в список?

– Хорошо, – соглашается президент, записывая имя Энни. – Хочешь стоять рядом со мной во время заявления?

Я отрицательно мотаю головой.

– Так я и думала. Тогда иди. Я начинаю.

Я пробираюсь обратно к Финнику.

В Тринадцатом бережливость распространяется даже на слова. Койн призывает публику к вниманию и сообщает, что я согласилась быть Сойкой-пересмешницей при условии, что остальные победители – Пит, Джоанна, Энорабия и Энни – будут помилованы, какие бы преступления против революции они ни совершили. Толпа неодобрительно гудит. Похоже, никто тут не сомневался, что я горю желанием быть Сойкой-пересмешницей, и вдруг условие – помиловать возможных преступников! Я стараюсь не замечать направленных на меня враждебных взглядов.

Несколько секунд президент не вмешивается во всеобщий ропот, затем бодро продолжает. Однако на этот раз ее слова являются для меня полной неожиданностью.

– Выдвигая это беспрецедентное требование, солдат Эвердин со своей стороны обязуется целиком посвятить себя делу революции. Таким образом, всякое отступление от возложенной на нее миссии – словом или делом – будет рассматриваться, как нарушение сделки. В этом случае амнистия будет отменена, и участь четырех победителей определит суд согласно законам Тринадцатого дистрикта. Равно как и судьбу самой Китнисс Эвердин. Спасибо.

Другими словами – один неправильный шаг, и все мы умрем.

5

Еще одна сила, с которой нужно считаться. Еще один серьезный игрок, решивший использовать меня пешкой в своей игре, несмотря на то, что до сих пор это ни разу не приводило к желаемому результату. Распорядители Игр делают из меня звезду – потом не знают, как спасти свою шкуру из-за горстки ядовитых ягод. Президент Сноу пытается погасить мною пламя восстания, но каждый мой шаг распалает огонь сильнее. Повстанцы вытаскивают меня металлическими щипцами с арены, чтобы я стала их Сойкой, и с удивлением понимают, что я вовсе не желаю отращивать крылья. И вот теперь Койн со своим драгоценным ядерным арсеналом и послушным Тринадцатым дистриктом, действующим как хорошо отлаженный механизм. Ей тоже довелось узнать, что поймать Сойку гораздо легче, нежели выдрессировать. Однако Койн быстрее других поняла, что я действую сама по себе, а потому представляю опасность. Поняла – и объявила об этом во всеуслышание.

Я провожу рукой по толстому слою пены. Хорошенько отмокнуть в ванне – только первый шаг. Подготовительной команде предстоит привести в порядок мои испорченные кислотой волосы, вылечить обожженную солнцем кожу, убрать уродливые шрамы, а уж потом портить, жечь и уродовать заново, но уже в более эстетичном варианте.

– Придайте ей вид «Базис-Ноль», – распорядилась Фульвия сегодня утром, – а дальше посмотрим.

«Базис-Ноль» – это то, как предположительно должен выглядеть хорошо выспавшийся человек, встав утром с постели, – максимальная безупречность в сочетании с естественностью. Ногти идеальной формы, но не отполированы. Волосы на голове мягкие и блестящие, но не уложены в прическу. Все волоски на теле удалены. Кожа гладкая и чистая, но без грамма косметики. Когда я впервые оказалась в Капитолии, Цинна наверняка дал такие же указания. Правда, тогда я была участником Игр. Мне казалось, что хотя бы в роли мятежницы я буду сама собой. Что ж, наверное, у телевизионных мятежников свои собственные стандарты.

Едва я смываю с себя пену, рядом уже стоит Октавия с полотенцем наготове. Без броской одежды, густого макияжа, красок, драгоценностей и всяких побрякушек в волосах она совсем не похожа на ту Октавию, какую я знала в Капитолии. Помню, как-то раз она заявила с ярко-розовыми локонами, в которые были вплетены разноцветные фонарики в форме мышей. И рассказала, что держит дома мышей как домашних животных. Тогда мне показалось это дикостью – у нас мыши считаются вредителями, если только они не вареные. Наверно, она любила их, потому что они такие маленькие, мягкие и пискливые. Как она сама. Я пытаюсь привыкнуть к этой новой Октавии, пока она меня вытирает. Ее настоящие волосы приятного каштанового оттенка. Лицо – обычное, однако очень милое. Она моложе, чем я думала. Едва ли ей намного больше двадцати. Без длиннющих накладных ногтей пальцы будто обрубленные. У нее дрожат руки. Мне хочется успокоить ее, сказать, что все наладится, но вид разноцветных кровоподтеков, расцветших под ее болезненно-бледной кожей, напоминает мне о моей собственной беспомощности.

Флавий тоже кажется полинявшим без привычной красной помады и яркой одежды. Зато он каким-то образом ухитрился вновь обрести свои оранжевые кудряшки. Кто изменился меньше всех, так это Вения. Ее волосы цвета морской волны, прежде торчавшие во все стороны, теперь гладко прилизаны, у корней пробивается седина. Однако самой яркой чертой внешности Вении всегда были татуировки, а они остались такими же золотистыми и потрясающими.

– Китнисс не причинит нам вреда, – говорит Вения тихо, но твердо, забирая из рук Октавии полотенце. – Она даже не знала, что мы здесь. Теперь все будет хорошо. – Октавия едва заметно кивает, но так и не осмеливается поднять на меня глаза.

Привести мою внешность в состояние «Базис-Ноль» оказывается очень непросто, несмотря на богатейший арсенал препаратов, приборов и инструментов, которые Плутарх предусмотрительно захватил с собой из Капитолия. Ну да моей команде не привыкать. Дело стопорится, когда они доходят до того места на моей руке, откуда Джоанна извлекла датчик слежения. Заштопывая зияющую рану, медики не особенно заботились о красоте, и теперь там бугрится здоровенный неровный шрам со стянутой вокруг кожей. В обычной одежде с длинным рукавом шрам не виден, но в костюме Сойки, который сделал Цинна, рукава оканчиваются чуть выше локтя. Проблема настолько серьезна, что приходится вызвать Фульвию и Плутарха. Могу поклясться, Фульвию едва не вырвало при одном взгляде на шрам. Для помощницы распорядителя Игр она слишком чувствительна. Вероятно, привыкла видеть неприятные вещи только на экране.

– Все и так знают, что у меня есть шрам, – бурчу я.

– Знать и видеть – не одно и то же, – возражает Фульвия. – Он просто отвратительный. Мы с Плутархом подумаем за обедом, что с ним делать.

– Ничего, разберемся, – отмахивается Плутарх. – Может, дадим тебе браслет или что-нибудь в этом роде.

С досадой я одеваюсь, чтобы идти в столовую. Моя команда подготовки сбилась в кучку возле двери.

– Вам принесут еду сюда? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Вения. – Нам сказали идти в столовую.

Я вздыхаю про себя, представив, как вхожу в столовую с такой компанией. Правда, на меня и так все пялятся, так что большой разницы не будет.

– Идемте. Я покажу вам, где столовая.

Вокруг меня постоянно шушукаются и бросают украдкой взгляды, но реакция при виде моей экзотической тройцы – это нечто. Люди буквально раскрыли рты и ахнули; некоторые даже тычут пальцами.

– Просто не обращайтесь на них внимания, – говорю я своим спутникам.

Опустив глаза и механически переставляя ноги, они движутся вместе с очередью, принимая миски с сероватого цвета рыбой, тушеной окрой и чашки с водой.

Мы садимся за стол рядом с моими земляками из Шлака. Они ведут себя посдержаннее, чем люди из Тринадцатого, – возможно, просто от смущения. Ливи, моя бывшая соседка в Двенадцатом, робко здоровается с ними, а Хейзел, мать Гейла, которая, должно быть, знает об их заточении, кивает на миску с тушеной окрой.

– Не бойтесь. На вкус она лучше, чем на вид.

Лучше всего обстановку разряжает Поза, пятилетняя сестренка Гейла. Она подбегает к Октавии и осторожно дотрагивается до нее пальчиком.

– У тебя зеленая кожа. Ты больная?

– Это такая мода, Поза, – объясняю я. – Как красить губы помадой.

– Чтобы быть красивее, – добавляет Октавия, и я вижу на ее ресницах слезы.

Поза на секунду задумывается, потом серьезно говорит:

– Ты красивая любого цвета.

На губах Октавии появляется робкая улыбка.

– Спасибо.

– Если хотите произвести впечатление на Позу, придется покраситься в ярко-розовый, – говорит Гейл, с шумом ставя свой поднос рядом со мной. – Это ее любимый цвет. –

Пози хихикает и бежит обратно к маме. Гейл кивает на миску Флавия: – Лучше ешьте сразу. Остынет – будет вообще как клей.

Все принимаются за еду. На вкус окра более-менее сносная, только очень уж вязкая. Такое впечатление, что каждый кусочек глотаешь по три раза. Гейл, обычно неразговорчивый во время еды, старается поддержать беседу и спрашивает, как идет работа над моим имиджем. Я-то знаю почему. Мы с ним вчера поссорились, когда он заявил, будто я сама вынудила Койн поставить ответные условия.

– Пойми, Китнисс, – увещевал он, – Койн – главная в этом дистрикте. Она не может допустить, чтобы у людей сложилось впечатление, будто ты ей командуешь.

– Ты хочешь сказать, она не приемлет чужого мнения, даже если оно справедливо, – парировала я.

– Я хочу сказать, что ты поставила ее в дурацкое положение. Ей пришлось заранее объявить амнистию Питу и другим трибутам, не зная, что еще они успеют натворить.

– По-твоему, я должна просто делать, что мне говорят, и бросить остальных трибутов на произвол судьбы? Впрочем, это действительно уже неважно, потому что мы и так их бросили!

С этими словами я захлопнула дверь у него перед носом. За завтраком я села в другом конце стола и не сказала ни слова, когда Плутарх отправил Гейла на тренировку. Знаю, Гейл беспокоится обо мне, но именно сейчас мне очень нужно, чтобы он был на моей стороне, а не на стороне Койн. Неужели это так трудно понять!

После обеда у нас с Гейлом запланирована встреча с Бити в отделе специальной обороны.

– Все еще злишься, – констатирует Гейл, когда мы едем в лифте.

– А ты все еще считаешь себя правым, – отвечаю я.

– Что есть, то есть. И готов повторить то же самое снова. Или ты хочешь, чтобы я соврал?

– Нет. Хочу, чтобы ты как следует подумал и пришел к правильному выводу.

Гейл только смеется в ответ. Я молчу. Бесплезно диктовать Гейлу, что и как ему думать. И если по-честному, это одна из причин, почему я ему доверяю.

Отдел спецбезопасности расположен почти так же глубоко, как тюрьма, в которой мы нашли группу подготовки. Целая сеть помещений заполнена компьютерами, научным оборудованием и испытательными установками.

Мы спрашиваем, как найти Бити, и нам указывают путь через длинный лабиринт коридоров, в конце которого находится огромное окно. Тут я впервые за все время в Тринадцатом дистрикте вижу нечто прекрасное – настоящий луг, воссозданный под землей, с деревьями, цветущими растениями и живыми колибри. Посреди луга в инвалидной коляске неподвижно сидит Бити, наблюдая за ярко-зеленой птичкой, которая, зависнув в воздухе, пьет нектар из большого оранжевого цветка. Внезапно она срывается с места, и, провожая ее глазами, Бити наконец замечает нас. Он машет рукой, чтобы мы заходили.

Воздух внутри неожиданно прохладный и совсем не спертый, как я предполагала. Со всех сторон слышится трепетание маленьких крылышек, и в первый момент мне кажется, будто я в нашем лесу около Двенадцатого дистрикта. Каким чудом могло появиться подобное здесь, на такой глубине?!

Бити все еще очень бледный, но его глаза за неуклюжими очками светятся от радости.

– Разве они не прекрасны? Тринадцатый дистрикт уже много лет занимается изучением их аэродинамики. Они могут летать задом наперед и развивают скорость до шестидесяти миль в час. Хотелось бы мне сделать такие же крылья для тебя, Китнисс!

– Вряд ли я бы сумела с ними управляться, Бити, – смеюсь я.

– Вот она здесь, а вот ее уже нет. Ты можешь подстрелить колибри из лука?

– Никогда не пробовала. Мяса у них ни на зуб.

– Да, конечно. Ты не убиваешь из спортивного интереса. Хотя, уверен, охотиться на них было бы непросто.

– Можно устроить ловушку, – говорит Гейл. Лицо его принимает отсутствующее выражение, как всегда, когда он задумывается над какой-нибудь трудной задачей. – Натянуть сеть с очень мелкими ячейками, оставить только небольшое отверстие – в пару квадратных футов. Внутри приманка – много цветов. Пока колибри будут лакомиться, подойти и закрыть отверстие. Птицы полетят прочь от шума, а там сеть.

– Думаешь, получится? – спрашивает Бити.

– Не знаю. Просто пришло в голову. Они могут оказаться умнее.

– Могут. Но идея хорошая, поскольку основана на природном инстинкте – улетать от опасности. Думай, как твоя жертва... и ты найдешь ее слабое место.

Тут я вспоминаю кое-что из того, о чем вспоминать не хочется. Во время подготовки к Бойне я видела запись – Бити, еще совсем мальчик, соединяет какие-то проводки, и группа детей, охотившихся за ним, умирает от электрического тока. Тела бьются в конвульсиях, лица искажены гримасами. И Бити тоже это видел. Видел всех, кого ему пришлось убить ради победы в тех далеких Голодных играх. Это не его вина. Он просто защищал свою жизнь. Мы все просто защищались...

Внезапно мне хочется поскорее уйти отсюда, прежде чем кому-нибудь придет в голову поставить сеть.

– Бити, Плутарх говорил, у тебя что-то для меня есть.

– Да. Твой новый лук. – Он нажимает кнопку на ручке кресла и выезжает из комнаты. Пока мы петляем по закоулкам отдела обороны, Бити поясняет, что вообще-то он уже поне-многу ходит, но только слишком быстро устает, поэтому на кресле ему пока передвигаться проще.

– Как дела у Финника? – спрашивает он.

– Э-э... проблемы с концентрацией внимания, – отвечаю я. Не хочется рассказывать, во что тот на самом деле превратился.

– Проблемы с концентрацией, да? – Бити мрачно улыбается. – Знали б вы, что он пережил за последние несколько лет. Удивительно, как он вообще выжил. Скажи ему, что я делаю для него новый трезубец, ладно? Может, это немного отвлечет его от действительности.

Отвлекаться от действительности Финник сейчас, похоже, прекрасно умеет и без посторонней помощи, но я обещаю, что скажу.

У дверей с табличкой «Специальное вооружение» стоят четверо охранников. Проверив расписания на наших руках, они снимают у нас отпечатки пальцев, сканируют сетчатку глаз, берут анализы ДНК и пропускают через детекторы металла. Бити приходится оставить кресло снаружи, но как только мы проходим через все процедуры, ему предоставляют другое. Происходящее кажется абсурдом: неужто кто-нибудь, выросший в Тринадцатом дистрикте, может представлять для него угрозу, требующую таких серьезных мер? Или же меры предосторожности были введены недавно, в связи с притоком большого числа беженцев?

Затем нас ждет второй этап проверки – как будто моя ДНК могла измениться, пока я шла по коридору – и наконец мы допущены в само хранилище. Признаюсь, у меня просто дух захватывает при виде такого количества оружия. Чего там только нет! Пистолеты и ружья, гранатометы, мины, бронированные автомобили.

– Авиация, конечно, находится не здесь, – говорит Бити.

– Конечно, – соглашаюсь я, как будто это само собой разумеется. Удивительно, что среди всей этой суперсовременной техники может найтись место простому луку и стрелам, но тут мы подходим к стенду с боевым снаряжением для лучников. На тренировках в Капитолии я перепробовала целую кучу оружия, однако все оно не предназначалось для военных

действий. Мое внимание привлекает грозного вида лук, так нагруженный разнообразной оптикой и прочими приспособлениями, что я бы и в руках его удержать не смогла, не говоря уже о том, чтобы из него выстрелить.

– Гейл, не хочешь попробовать? – предлагает Бити.

– Серьезно?

– Для боев тебе, разумеется, выдадут огнестрельное оружие, но если ты будешь сниматься с Китнисс в агитроликах, одна из этих штучек будет смотреться очень эффектно. Выбери на свой вкус.

– С удовольствием.

Гейл берет в руки тот самый лук, который я только что разглядывала, поднимает его на уровень плеча и смотрит вокруг через оптический прицел.

– Это уже нечестно, – замечаю я, – не оставлять оленю ни одного шанса.

– Ну, я ведь не собираюсь стрелять из него в оленей.

– Я на минутку, – говорит Бити, набирая код на панели. В стене открывается небольшая дверь. Когда Бити исчезает внутри, стена закрывается снова.

– А в кого собираешься? Для тебя так просто выстрелить в человека? – спрашиваю я.

– Я этого не говорил. – Гейл опускает лук. – Но если бы у меня было оружие, способное остановить то, что творилось в Двенадцатом... оружие, которое спасло бы тебя от арены... я бы пустил его в ход не задумываясь.

– Я тоже, – признаю я просто. Не знаю, как ему объяснить, что значит – убить человека. И что убитые навсегда остаются с тобой.

Бити возвращается с длинной черной коробкой, неуклюже зажатой между подножкой кресла и его плечом. Остановившись, он наклоняет коробку в мою сторону.

– Вот. Это тебе.

Я кладу коробку на пол и открываю защелки. Крышка бесшумно откидывается. Внутри, на бордовом жатом бархате, лежит черный лук.

– О! – вырывается у меня.

Осторожно вытаскиваю лук из футляра. Он великолепен. Прекрасная балансировка, изящная форма, плечи, изгибом напоминающие распростертые в полете крылья... И что-то еще. Или показалось? Я замираю. Нет, он действительно оживает в моих руках. Прижимаю его к щеке и чувствую легкую вибрацию.

– Что это? – спрашиваю я.

– Он здоровается, – широко улыбается Бити. – Услышал твой голос.

– Он узнает меня по голосу?

– Только тебя. Видишь ли, меня попросили сделать лук, который бы подходил к твоему костюму. Главное – внешний вид, остальное неважно. Я подумал-подумал и решил, что так не годится. Вдруг он тебе когда-нибудь действительно понадобится. Не как модный аксессуар, а как оружие. В итоге я сделал его поскромнее снаружи, зато в том, что касается начинки, дал волю фантазии. Но тебе лучше самой все увидеть. Хотите пострелять?

Еще бы мы не хотели! Стрельбище для нас уже готово. Стрелы Бити не менее удивительные, чем сам лук. Я попадаю ими точно в цель с расстояния сто ярдов. Различные их виды – стрелы-бритвы, зажигательные, подрывные – превращают лук в универсальное оружие. Разновидность стрелы легко определить по цвету древка. Есть даже возможность деактивировать стрелу голосовой командой, хотя не представляю, для чего это может понадобиться. Чтобы отключить специальные функции лука, достаточно произнести «Спокойной ночи». После этого лук переходит в режим сна до тех пор, пока мой голос снова его не разбудит.

Прощавшись с Бити и Гейлом, я в бодром настроении возвращаюсь к команде подготовки. Терпеливо переносу оставшиеся процедуры, надеваю костюм, который теперь

дополнен окровавленной повязкой на шрам – будто бы я только вернулась с поля боя. Вения прикрепляет мне против сердца брошку с сойкой-пересмешницей. Под конец я беру лук и колчан с обычными стрелами – кто мне даст разгуливать со специальными, – и мы все идем в съемочный павильон, где я стою столбом еще, наверное, несколько часов, пока остальные поправляют мне макияж, регулируют свет и степень задымления. Постепенно указания через интерком от невидимых людей в таинственной стеклянной кабинке поступают все реже и реже, а Фульвия и Плутарх все больше просто ходят вокруг и все меньше что-то меняют. Наконец на площадке становится тихо. Минут пять меня молча разглядывают, затем Плутарх говорит:

– Ну вот. То, что надо.

Меня подводят к контрольному монитору и показывают последние несколько минут записи. Женщина на экране кажется выше и внушительнее меня. Лицо перепачкано, но выглядит сексуально. Черные брови решительно изогнуты. От одежды поднимаются струйки дыма – то ли ее только что потушили, то ли она вот-вот загорится. Эту женщину я не знаю.

Финник, который уже нескольких часов бродит вокруг декораций, подходит ко мне сзади и говорит с долей прежнего юмора:

– Зрители захотят либо тебя убить, либо поцеловать, либо быть тобой.

На площадке царит радостное возбуждение – работа сделана на славу. Время идет к ужину, но никто не хочет прерываться. Речами и интервью, в которых я буду делать вид, будто участвую в боях бок о бок с повстанцами, мы займемся завтра. Сегодня нужно записать только один лозунг, одну фразу для короткого агитролика, который покажут Койн.

«Народ Панема, мы боремся, мы не сдаемся, мы отстоим справедливость!» – вот и все. Фразу сообщают мне с таким видом, будто работали над нею не один месяц, а то и год, и теперь жутко ею гордятся. А по-моему, язык сломаешь. И звучит неестественно. Не представляю, чтобы я сказала такое в реальной жизни – разве что для смеха, с capitoлийским акцентом. Вроде того, как мы с Гейлом изображаем Эффи Бряк: «И пусть удача всегда будет на вашей стороне!»

Фульвия становится передо мной и, глядя мне в глаза, описывает битву, в которой я только что участвовала. Поле боя усеяно мертвыми телами моих товарищей, и я, чтобы сплотить выживших, кричу этот призыв. Прямо в камеру.

Меня быстро тащат обратно к декорациям, дымовая машина начинает работать. Кто-то кричит: «Внимание!», слышится гудение камер, потом команда: «Мотор!». Я поднимаю над головой лук и со всей яростью, на какую способна, кричу:

– Народ Панема, мы боремся, мы не сдаемся, мы отстоим справедливость!

На съемочной площадке наступает гробовая тишина. Она длится и длится.

Внезапно из динамиков раздается треск, и студию заполняет едкий смех Хеймитча. Когда ему наконец удастся совладать с собой, он произносит:

– Вот так, друзья, умирает революция.

6

Услышав вчера голос Хеймитча, я вначале была потрясена, потом разозлилась – оказывается, он полностью пришел в форму и теперь снова контролирует мою жизнь. Я пулей выскочила из студии, а сегодня игнорировала его комментарии из кабины. Хотя понимала, что он прав.

Хеймитч потратил все утро, объясняя остальным, почему у меня не получилось, и убеждая, что так ничего не выйдет. Выше головы не прыгнешь. Я не могу просто стоять посреди студии в костюме и гриме, окруженная облаком искусственного дыма, и призывать дистрикты к борьбе не на жизнь, а на смерть. Удивительно, как я вообще выдержала столько съемок. Впрочем, это заслуга Пита, а не моя. В одиночку я не смогу стать Сойкой-пересмешницей.

Мы собираемся на совещание в штабе. Вокруг громадного стола сидят Койн со своими помощниками, Плутарх, Фульвия, моя подготовительная команда плюс несколько человек из Двенадцатого, помимо Хеймитча и Гейла. Присутствие некоторых, например Ливи и Сальной Сэй, сбивает меня с толку. В последнюю минуту Финник вкатывает на коляске Бити, а за ними входит Далтон, скотовод из Десятого. Видимо, Койн организовала это странное мероприятие специально, чтобы засвидетельствовать мой провал.

Однако с приветствием к собравшимся обращается не она, а Хеймитч, и из его слов я понимаю, что всех пригласил именно он. Впервые нахожусь с Хеймитчем в одном помещении с тех пор, как расцарапала ему лицо. Я нарочно отворачиваюсь в сторону, но вижу его отражение на блестящей контрольной панели у стены. Он сильно похудел, желтоватое лицо осунулось. На мгновение мне становится страшно – вдруг он умрет? Впрочем, я тут же напоминаю себе, что меня это не волнует.

Первым делом Хеймитч показывает пленку, которую мы отсняли. Похоже, под руководством Плутарха и Фульвии я превзошла саму себя – голос срывается, движения нелепые, будто я марионетка, которую дергают за невидимые ниточки.

– Ну вот, – произносит Хеймитч, когда видео заканчивается. – Кто-нибудь из вас считает, что этот ролик поможет нам выиграть войну?

Ответа нет.

– Отлично. Значит, сэкономим время. Тогда давайте все минутку помолчим, и каждый постарается вспомнить один случай, когда Китнисс Эвердин действительно задела вас за живое. Не потому, что вы позавидовали ее прическе, поразились горящему платью или она сносно выстрелила из лука. И не потому, что Питу удалось выставить ее в привлекательном свете. Меня интересуют те случаи, когда она сама пробудила в вас какое-нибудь настоящее чувство.

Наступает долгая тишина, мне уже кажется, что она никогда не закончится, и тут я слышу голос Ливи:

– На Жатве. Когда она вызвалась участвовать в Играх вместо Прим. Она понимала, что идет на верную смерть.

– Хорошо. Отличный пример, – говорит Хеймитч. Берет фиолетовый фломастер и делает помету в блокноте: – Вызвалась добровольцем на Жатве. – Потом оглядывает присутствующих. – Кто следующий?

К моему удивлению, следующим оказывается Боггс, которого я всегда считала перекачанным роботом, бездумно исполняющим приказы Койн.

– Когда она пела песню. Над умирающей девочкой.

У меня в голове всплывает воспоминание – Боггс с маленьким мальчиком на коленях. Кажется, в столовой. Может статься, Боггс все-таки человек.

– Покажите мне того, кто не захлебнулся слезами в тот момент! – говорит Хеймитч, занося в блокнот и этот пункт.

– Я плакала, когда она подмешала снотворное Питу, чтобы добыть ему лекарство, и потом целовала его на прощание! – выпаливает Октавия и прикрывает рот рукой, будто боюсь, что ляпнула глупость. Хеймитч только одобрительно кивает.

– Да, да. Усыпила Пита, чтобы спасти ему жизнь. Очень хорошо.

Примеры сыплются один за другим без особой последовательности: когда я взяла Руту в союзники; пожала руку Рубаке после интервью; пыталась нести Мэгз. Снова и снова речь заходит про эпизод с ягодами, который каждый понял по-своему – любовь к Питу, упорство в безнадежной ситуации, протест против бесчеловечности Капитолия.

Хеймитч поднимает руку с блокнотом вверх.

– А теперь вопрос. Что объединяет все эти случаи?

– Китнисс была в них сама собой, – тихо произносит Гейл. – Никто не указывал ей, что делать или говорить.

– Точно! – восклицает Бити. – Она действовала не по сценарию! – Он похлопывает меня по руке. – Выходит, нам нужно просто тебе не мешать?

Все смеются. Даже я не удерживаюсь от улыбки.

– Все это очень занятно, но не слишком полезно, – ворчит Фульвия. – К сожалению, здесь, в Тринадцатом, у нее нет таких возможностей проявить себя. Так что если ты не предлагаешь бросить ее в гущу сражения...

– Как раз это я и предлагаю, – прерывает ее Хеймитч. – Высадить ее на поле боя и включить камеры.

– Но все ведь думают, что она беременна, – напоминает Гейл.

– Намекнем, что она потеряла ребенка из-за электрического шока на арене, – предлагает Плутарх. – Очень печальная история.

Идея Хеймитча вызывает много споров, однако его доводы звучат убедительно. Если я способна проявить себя только в реальных условиях, то так тому и быть.

– Пока она выполняет указания и произносит заученные реплики, результат в лучшем случае будет сносный. Все должно исходить от нее самой. Тогда это берет за душу.

– Даже если мы будем предельно осторожны, мы не сможем обеспечить ей полную безопасность, – возражает Боггс. – Она будет желанной мишенью для каждого...

– Я хочу сражаться, – вмешиваюсь я. – Здесь от меня никакого прока.

– А если тебя убьют? – спрашивает Койн.

– Вы снимите это на пленку и сделаете агитролик, – отвечаю я.

– Ладно, – соглашается Койн. – Но не будем торопиться. Вначале определим наименее опасную ситуацию, подходящую для наших целей. – Койн подходит к светящимся картам, где отображаются передвижения войск в различных дистриктах. – Сегодня после обеда доставьте ее в Восьмой. Утром там была интенсивная бомбардировка, но сейчас, кажется, уже закончилась. Выдайте ей оружие и телохранителей. Съемочная группа – на земле, ты, Хеймитч, на планолете в постоянном радиоконтакте с Китнисс. Посмотрим, что из этого выйдет. Будут еще предложения?

– Умойте ее, – говорит Далтон. Все поворачиваются к нему. – Она молодая девушка, а вы сделали из нее тридцатипятилетнюю женщину. К чему нам эта капитолийская мода?

Койн объявляет собрание закрытым, и Хеймитч спрашивает у нее разрешения поговорить со мной наедине. Все выходят, только Гейл неуверенно останавливается около моего стула.

– Чего ты боишься? – спрашивает его Хеймитч. – Телохранитель нужен скорее мне.

– Все в порядке, – говорю я Гейлу, и он уходит.

В зале слышны лишь гудение приборов и тихий шелест вентиляционной системы. Хеймитч садится напротив меня.

– Нам снова придется работать вместе. Так что давай, выкладывай все, что ты обо мне думаешь.

Я вспоминаю нашу яростную стычку на планолете. Мне хотелось убить Хеймитча. Однако теперь я говорю только:

– Поверить не могу, что ты не спас Пита.

– Знаю.

Меня не отпускает чувство недосказанности. Не только потому, что Хеймитч даже не извинился. Мы были одной командой. Мы дали друг другу обещание беречь Пита. Пьяное, нереальное обещание под покровом ночи, но что это меняет? В глубине души я знаю – виноваты мы оба.

– Теперь ты, – говорю я Хеймитчу.

– Не могу поверить, что ты упустила его из виду в ту ночь.

Я киваю. В том-то и дело.

– Постоянно думаю об этом. Что я могла сделать? Как остаться с ним, не нарушив союза? Я до сих пор не знаю.

– У тебя не было выбора. А если бы мне удалось уговорить Плутарха остаться и спасти Пита, планолет бы рухнул. Мы и так едва успели.

Наконец я смотрю в глаза Хеймитча. Глаза жителя Шлака – серые и глубокие, с темными кругами от бессонных ночей.

– Китнисс, Пит жив. Не надо хоронить его раньше времени.

– Игра еще не окончена. – Я стараюсь произнести это с оптимизмом, но мой голос срывается.

– Да. Игра продолжается. И я по-прежнему твой ментор. – Хеймитч тычет фломастером в мою сторону. – Помни, ты будешь на земле, я – в воздухе. Сверху обзор лучше, поэтому делай то, что я тебе скажу.

– Посмотрим, – отвечаю я.

Возвращаюсь в гримерную и хорошенько мою лицо, глядя, как струи макияжа исчезают в водосток. Из зеркала на меня смотрит девушка с шелушащейся кожей и усталыми глазами, довольно потрепанная, однако похожая на меня. Срываю с руки повязку, обнажая уродливый шрам от жучка. Вот так. Это тоже я.

Бити помогает мне надеть защитную экипировку, разработанную Цинной. Шлем из эластичных металлических нитей плотно прилегает к голове; в случае надобности его можно сдвинуть назад, как капюшон. Жилет обеспечивает защиту жизненно важных органов. К воротнику прикреплен маленький белый наушник. На пояс Бити цепляет мне маску – на случай газовой атаки.

– Если увидишь, что кто-то упал по неизвестной причине, немедленно надевай, – инструктирует он.

Потом пристегивает колчан, разделенный на три отсека.

– Запомни: справа – зажигательные, слева – подрывные, в центре – обычные. Вряд ли тебе придется стрелять, но, как говорится, береженого Бог бережет.

Приходит Боггс, чтобы проводить меня в отдел авиации. Как раз когда подъезжает лифт, появляется взволнованный Финник.

– Китнисс, они меня не пускают! Я сказал, что здоров, но они даже не дают мне полететь в планолете!

Я смотрю на Финника – голые ноги, торчащие из-под больничного халата, шлепанцы, спутанные волосы, веревка в руке, безумный взгляд – и понимаю, что вступаться за него бесполезно. Да я и сама не уверена, стоит ли его брать.

– Ой, совсем забыла, – говорю я, ударив себя по лбу. – Дурацкое сотрясение. Бити просил передать, чтоб ты зашел к нему в отдел спецвооружения. Он сделал для тебя новый трезубец.

При слове «трезубец» мне кажется, будто я вижу прежнего Финника.

– Правда? И какой он?

– Не знаю. Но если из того же разряда, что мой лук со стрелами, он тебе понравится, – заверяю я. – Только тебе придется немного потренироваться.

– Да, конечно. Я прямо сейчас туда спущусь.

– Э-э... может, лучше сначала надеть штаны?

Финник смотрит вниз, будто впервые замечая свой наряд. Затем сбрасывает с себя больничный халат и остается в нижнем белье.

– Зачем? – Он дурашливо принимает вызывающую позу. – Мой вид тебя возбуждает?

Не могу сдержать смеха – ситуация вдвойне забавная, потому что Боггс буквально не знает, куда девать глаза от смущения, а еще я рада, что Финник ведет себя, как тот парень, которого я встретила на Квартальной бойне.

– Я всего лишь человек, Одэйр, – успеваю сказать я, прежде чем двери лифта закрываются. – Извините, – говорю я Боггсу.

– Не за что. По-моему, ты... здорово справилась, – отвечает он. – Лучше, чем если бы я его арестовал.

– Да уж.

Я украдкой присматриваюсь к нему. Боггсу на вид около сорока пяти, поседевшие волосы коротко стрижены, глаза голубые. Превосходная выправка. За сегодняшний день он уже дважды заставил меня задуматься, что мы могли быть с ним друзьями, а не врагами. Может, стоит дать ему шанс? Жаль, что он так предан Койн...

Раздается серия громких щелчков. Лифт на мгновение останавливается, а потом вдруг едет влево.

– Он двигается и вбок? – удивляюсь я.

– Да. Под Тринадцатым проложена целая сеть шахт, – поясняет он. – Та, в которой мы сейчас, идет над транспортной осью к пятой подъемной платформе. Это в ангаре.

Ангар, тюрьма, спецвооружения... А еще где-то производят еду, вырабатывают энергию, очищают воду и воздух.

– Тринадцатый даже больше, чем я думала.

– В основном это не наша заслуга, – говорит Боггс. – Мы, так сказать, получили это место в наследство. Нужно только следить, чтобы все оставалось в исправности.

Щелчки возобновляются. Мы снова падаем вниз – теперь всего на пару уровней, – и двери открываются посреди ангара.

– Ого, – вырывается у меня при виде бесчисленных рядов всевозможных планолетов. Ну и флотилия... – Их вы тоже унаследовали?

– Некоторые создали сами, другие входили в состав воздушных сил Капитолия. Конечно, с тех пор мы их модернизировали.

В груди снова просыпается ненависть к Тринадцатому.

– Значит, все это у вас было, и вы бросили остальные дистрикты беззащитными перед Капитолием.

– Все не так просто, – возражает Боггс. – До недавнего времени у нас не было возможности воевать. Мы едва выжили. После того как мы свергли и казнили приспешников Капитолия, осталась всего горстка людей, умеющих управлять планолетами. Ударить ядерными ракетами? Могли. И чем бы тогда закончилась наша война с Капитолием? Уцелел бы хоть один живой человек на Земле?

– Пит сказал то же самое. А вы все назвали его предателем.

– Да. Потому что он призывает к прекращению войны. Ты же видишь – ни одна сторона не применяет ядерное оружие. Воюем по старинке. – Боггс показывает на один из небольших планолетов. – Нам туда, солдат Эвердин.

Я поднимаюсь по трапу. Внутри уже расположилась съемочная группа со своим оборудованием и еще несколько человек в серых десантных комбинезонах. Даже Хеймитч одет по-военному, хотя явно не в восторге от плотного форменного воротничка.

Ко мне подбегает Фульвия Кардью и разочарованно вздыхает, увидев мое лицо.

– Вся работа коту под хвост. Я тебя не виню, Китнисс. Что поделаешь, не все рождаются с фотогеничными лицами. Вот как он. – Она хватает Гейла, который разговаривает с Плутархом, и разворачивает его к нам. – Разве не красавец?

Гейл и правда выглядит впечатляюще в военной форме. Однако, учитывая обстоятельства, вопрос лишь смущает нас обоих. Я пытаюсь придумать остроумный ответ, когда Боггс вдруг выдает:

– Нас не так-то легко поразить. Мы только что видели Финника в одних трусах.

Боггс мне определенно нравится.

Звучит предупреждение о взлете; я сажусь рядом с Гейлом, напротив Хеймитча и Плутарха, и пристегиваю ремень безопасности. Планолет скользит по лабиринту туннелей, которые выходят на платформу. Какой-то механизм медленно поднимает ее вверх через все уровни, и внезапно мы оказываемся под открытым небом на огромном поле, окруженном лесом. Планолет отрывается от платформы и уплывает за облака. Теперь, когда волна возбуждения схлынула, я осознаю, что понятия не имею, что меня ждет в Восьмом дистрикте. Мало того, я почти ничего не знаю о ходе войны. Во что нам станет победа. И что будет, если мы победим.

Плутарх пытается меня немного просветить. Во-первых, на данный момент в состоянии войны с Капитолием находятся все дистрикты, кроме Второго, который, несмотря на свое участие в Голодных играх, всегда был в привилегированном положении. Там больше продовольствия и лучше жилищные условия. После Темных Времен и мнимого уничтожения Тринадцатого, Второй дистрикт стал новой военной базой Капитолия, хотя официально фигурировал в качестве поставщика строительного камня, так же, как Тринадцатый в свое время считался производителем графита. Помимо производства оружия, Второй дистрикт занимается подготовкой и даже набором миротворцев.

– То есть... некоторые миротворцы родом из Второго дистрикта? – спрашиваю я. – Я думала, они все из Капитолия.

Плутарх кивает.

– Так вы и должны были думать. Часть их действительно из Капитолия, однако его население просто не в состоянии предоставить такого количества рекрутов. При том, что граждане Капитолия не особо горят желанием обрекать себя на суровую жизнь в дистриктах. Контракт заключается на двадцать лет, семью заводить нельзя. Одни идут на это ради престижа, другие – в качестве альтернативы наказанию. К примеру, вступившим в миротворцы списываются долги. В Капитолии полно людей, которые по уши в долгах, только не все из них годятся для военной службы. Поэтому недостающих рекрутов набирают во Втором дистрикте. Для них это шанс выбраться из нищеты и каменоломен. В детях там с малых лет воспитывают воинский дух. Ну, да ты и сама видела, как они стремятся стать трибутами.

Катон и Мирта. Брут и Энорабия. Я видела их рвение и жажду крови.

– Но все остальные дистрикты на нашей стороне?

– Да. Наша цель – занять один за другим все дистрикты, оставив Второй напоследок, и тем самым лишить Капитолий поставок. Затем, когда он достаточно ослабеет, мы двинемся на него, – объясняет Плутарх. – Это будет задача совсем другого уровня. Однако не будем забегать вперед.

– Если мы победим, кто будет управлять государством? – спрашивает Гейл.

– Все, – отвечает Плутарх. – Мы образуем республику. Жители каждого дистрикта, и Капитолия в том числе, будут выбирать представителей, которые смогут защищать их интересы в централизованном правительстве. Не смотрите так недоверчиво – когда-то эта система работала.

– В книгах, – бурчит Хеймитч.

– В книгах по истории, – уточняет Плутарх. – Если получалось у наших предков, почему не получится у нас?

По правде говоря, наши предки столько дров наломали, что дальше некуда. Посмотрите только, с чем они нас оставили – войны, разоренная планета. Похоже, им было наплевать, как будут жить люди после них. Однако в любом случае республика лучше того, что у нас сейчас.

– А если мы проиграем? – спрашиваю я.

– Если проиграем? – Плутарх иронично улыбается, глядя на облака за иллюминатором. – Ну, тогда Голодные игры в следующем году станут незабываемыми. Да, кстати. – Он достает из бронжилета пузырек, вытряхивает на ладонь несколько фиолетовых капсул и протягивает нам. – Мы назвали их «морник» в твою честь, Китнисс. Нельзя допустить, чтобы кого-то из нас захватили в плен. Обещаю, это совершенно безболезненно.

Я беру капсулу, но не соображу, куда ее деть. Плутарх дотрагивается пальцем до моего левого рукава. Я присматриваюсь и вижу на нем крошечный кармашек как раз по размеру капсулы. Даже если у меня будут связаны руки, я смогу наклонить голову и откусить ее.

Цинна продумал все до мелочей.

7

Планолет опускается на широкую дорогу на окраине Восьмого дистрикта. Тут же открывается люк и выдвигается лестница. Едва последний пассажир спрыгивает на асфальт, судно взмывает в воздух и исчезает. Я остаюсь на попечении охраны в лице Гейла, Боггса и двух других солдат. Съёмочная группа состоит из двух десятков capitoлийских операторов с тяжелыми переносными камерами, напоминающими панцири диковинных насекомых, режиссера – женщины по имени Крессида с бритой головой, украшенной татуировками в виде виноградных лоз, и ее помощника Мессаллы – стройного молодого человека со множеством серег в ушах. Присмотревшись, замечаю еще одну серьгу с большим серебристым шариком у него в языке.

Боггс уводит нас всех с дороги, ближе к складам, и на площадку садится второй планолет. Он привез ящики с медикаментами и команду из шести врачей в белых халатах. Мы все следуем за Боггсом в проход между двумя мрачными серыми складами. Кое-где на поцарапанных металлических стенах укреплены пожарные лестницы, ведущие на крышу. Миновав склады, мы выходим на широкую улицу и будто оказываемся в другом мире.

Отовсюду несут и везут раненых. На самодельных носилках, на тачках и тележках, перекинув через плечо и просто крепко обхватив руками. Окровавленных, с оторванными конечностями, без сознания. Их сносят в один из складов, над входом в который грубо намазан красный крест. Мне вспоминается кухня в нашем старом доме, где мама ухаживала за умирающими, только здесь их в десятки, в сотни раз больше. Я ожидала увидеть разрушенные бомбежками здания, а вместо этого оказалась среди искалеченных человеческих тел.

– Меня хотят снимать здесь? Я поворачиваюсь к Боггсу.

– Ничего не выйдет, – говорю я. – Здесь у меня ничего не получится.

Должно быть, он замечает панику в моих глазах, потому что останавливается и кладет руки мне на плечи.

– Получится. Пусть они просто тебя увидят. Ты подействуешь на них лучше всякого лекарства.

Тут женщина, принимающая пациентов, видит нас, присматривается и, убедившись, что зрение ее не подводит, широкими шагами направляется в нашу сторону. От нее пахнет металлом и потом, усталые темно-карие глаза опухли, повязку на шее следовало сменить еще дня три назад. Женщина дергает плечом, поправляя автомат на спине, чтобы ремень не врезался в шею. Большим пальцем показывает медикам на склад. Те идут внутрь, не задавая лишних вопросов.

– Командующая Восьмым Пэйлор, – говорит Боггс. – Капитан, это солдат Китнисс Эвердин.

Для капитана она выглядит довольно-таки молодо. Тридцать с хвостиком. Но когда она начинает говорить, голос звучит настолько властно, что не возникает сомнений в ее авторитете. Рядом с ней, в моей начищенной и сияющей новехонькой форме, я чувствую себя неопытным птенцом, только начавшим разбираться в жизни.

– Да, я ее узнала, – говорит Пэйлор. – Значит, ты жива. Мы сомневались.

– Мне кажется, или в ее голосе проскальзывают обвинительные нотки?

– Я сама еще не уверена, – отвечаю я.

– Долгий реабилитационный период. – Боггс стучит себя по голове. – Сильное сотрясение, – его голос на секунду понижается, – выкидыш. Но она настояла на приезде, хочет лично увидеть раненых.

– Да, раненых у нас предостаточно.

– Вы размещаете их всех в одном месте? – спрашивает Гейл, хмуро глядя на госпиталь. – Я думаю, это не очень разумно.

Мне тоже так кажется. Любая заразная болезнь распространится здесь как пожар в сухом лесу.

– Думаю, это лучше, чем бросить их умирать одних, – говорит Пэйлор.

– Я не это имел в виду.

– Пока у меня нет других вариантов. Если вы придумаете что-то еще и сумеете убедить Койн, буду только рада. – Пэйлор машет рукой в сторону двери. – Заходи, Сойка. И бери с собой своих друзей.

Я оглядываюсь на диковинную компанию у меня за спиной, набираюсь решимости и следую за Пэйлор. Передняя часть склада отделена тяжелыми брезентовыми шторами. Вповалку лежат трупы. Края штор трутся об их головы, лица закрыты белыми простынями.

– Мы начали рыть общую могилу в нескольких кварталах к западу отсюда, но у меня нет свободных рук, чтобы отнести их туда, – говорит Пэйлор. Находит щель между шторами и раздвигает их шире.

Я хватаюсь за запястье Гейла и шепчу:

– Не отходи от меня.

– Я рядом, – спокойно отвечает он.

Делаю шаг внутрь и получаю мощный удар по обонянию. В первый миг мне хочется зажать нос от ужасающей вони грязного постельного белья, гниющей плоти и рвоты. Люки в металлической крыше открыты, однако свежий воздух не в состоянии пробиться сквозь густую пелену жаркого зловония. Постепенно мои глаза привыкают к тусклому свету, доходящему от узких люков, и я различаю многочисленные ряды раненых. Они лежат на койках, тюфяках и просто на полу. Места слишком мало для всех. Гудение черных мух, стоны страдающих людей, плач их родных сливаются в один адский хор.

В дистриктах нет настоящих больниц. Мы умираем дома, но уж лучше на своей постели, чем здесь. Потом я вспоминаю: почти все, кого я вижу, потеряли дома во время бомбежек.

Пот градом катится по спине, собирается в ладонях. Спасаясь от вони, дышу ртом. Перед глазами мельтешат черные точки, кажется, я сейчас упаду в обморок, но тут ловлю на себе цепкий взгляд Пэйлор – она хочет знать, из какого я теста, не зря ли они на меня рассчитывали. Бросаю руку Гейла и заставляю себя пройти в глубь склада, протискиваясь в узкий проход между двумя рядами коек.

– Китнисс? – раздается хриплый голос откуда-то слева. – Китнисс?

Чья-то рука тянется ко мне из сумрака. Я цепляюсь за нее как за спасительную соломинку. Рука принадлежит молодой женщине с замотанной ногой. Сквозь толстые повязки сочится кровь, на ней кишат мухи. Лицо выражает боль и что-то еще, что-то совсем несовместимое с ее состоянием.

– Это правда ты?

– Да, это я.

Радость. Вот что написано на ее лице. Оно светлеет при звуке моего голоса, и на миг с него исчезает страдание.

– Ты жива! Ты правда жива! Люди говорили, но мы боялись поверить! – взволнованно произносит она.

– Мне крепко досталось. Но сейчас уже лучше. Вы тоже поправитесь.

– Надо сказать брату! – Женщина пытается сесть и кричит кому-то через несколько кроватей. – Эдди! Эдди! Она здесь! Китнисс Эвердин!

Мальчик лет двенадцати поворачивается в нашу сторону. Половину лица скрывает повязка. Край рта открывается в немом восклицании. Я иду к нему и откидываю влажные

каштановые пряди с его лба. Ласково бормочу: «Привет». Мальчик не может говорить, но так внимательно смотрит на меня здоровым глазом, будто старается запомнить каждую черточку моего лица.

Мое имя волнами прокатывается по жаркой атмосфере госпиталя.

– Китнисс! Китнисс Эвердин!

Звуки боли и горя сменяются словами надежды. Меня окликают со всех сторон. Я иду дальше, пожимая протянутые ко мне руки, касаюсь тех, кто не может двигаться. Здравуюсь, знакожусь, спрашиваю, как дела. Ничего особенного, никаких складных речей и призывов. Но это неважно. Боггс прав. Один лишь взгляд на меня, живую, уже вдохновляет их.

Пальцы жадно хватают меня, желая ощутить мое тело. Один раненый обхватывает ладонями мое лицо, и я мысленно благодарю Далтона за то, что он посоветовал смыть макияж. Как нелепо я бы выглядела среди этих людей в разрисованной капитолийской маске. Шрамы, изъязны, следы усталости – вот что роднит меня с ними.

Многие спрашивают о Пите, несмотря на то интервью. Никто не сомневается, что его заставили. Я стараюсь говорить о нашем будущем с оптимизмом, но все очень расстраиваются, когда упоминаю, что потеряла ребенка. Одна женщина даже плачет. Мне очень хочется рассказать ей правду, однако, выставив Пита лжецом, я не добавлю популярности ни ему, ни себе. Ни общему делу.

Теперь я начинаю понимать, зачем повстанцы потратили столько сил на мое спасение. Что я для них значу. В войне с Капитолием, которая часто казалась мне единоборством, я была не одна. На моей стороне стояли тысячи, десятки тысяч людей из разных дистриктов. Я стала их Сойкой-пересмешницей задолго до того, как сознательно взяла на себя эту роль.

Новое, незнакомое чувство зарождается в моей душе, но полностью я осознаю его, лишь когда, стоя на столе, машу рукой на прощание людям, хрипло скандирующим мое имя. Власть. Я обладаю властью, о которой даже и не подозревала. Сноу знал о ней с тех пор, как я вытащила ягоды. И Плутарх, когда спасал меня с арены, тоже знал. Теперь знает Койн. Настолько хорошо, что вынуждена публично напоминать о своих полномочиях.

Когда мы выходим на улицу, я прислоняюсь к стене склада, чтобы отдышаться. Боггс подает мне фляжку с водой.

– Ты отлично справилась.

Ну да, меня не вырвало, я не упала в обморок и не убежала с криками. По правде говоря, выплыла на волне эмоций, охвативших людей.

– Получился неплохой материал, – говорит Крессида.

Я будто впервые вижу жуков-операторов, обливающихся потом под своими камерами-панцирями. Мессаллу, делающего какие-то пометки в блокноте. Я даже забыла, что меня снимают.

– Да я ничего такого не сделала, – говорю я.

– Ты недооцениваешь свои прошлые заслуги, – возражает Боггс.

Прошлые заслуги? Та черда бедствий, что шлейфом тянется за мной. Колени подкашиваются, и я сползаю вниз по стене.

– Это еще как посмотреть.

– Что ж, до идеала тебе, конечно, далеко, но по нынешним временам сгодишься.

Гейл садится рядом на корточки.

– Поверить не могу, что ты позволяла всем этим людям себя трогать, – качает он головой. – Все ждал, когда же ты бросишься к выходу.

– Заткнись, – смеюсь я.

– Твоя мама будет тобой гордиться, когда увидит репортаж.

– За всеми ужасами, которые здесь творятся, она меня даже не заметит. – Я поворачиваюсь к Боггсу. – И так во всех дистриктах?

– Почти. Мы изо всех сил стараемся помочь, но не всегда это возможно. – На минуту он замолкает, прислушиваясь к словам в наушнике. Я вспоминаю, что до сих пор не слышала голос Хеймитча, и начинаю копаться в своем, проверяя, не сломался ли. – Мы возвращаемся. Срочно, – говорит Боггс, одной рукой помогая мне встать. – Возникли проблемы.

– Какие проблемы? – спрашивает Гейл.

– Бомбардировщики на подходе. – Боггс натягивает мне на голову шлем Цинны. – Живо!

Не понимая, что происходит, бегу вдоль стены склада к посадочной площадке. Я не чувствую опасности. Голубое небо все такое же чистое, люди по-прежнему несут раненых к госпиталю. Никакой тревоги. И тут начинает выть сирена. Считанные секунды спустя над нами возникает клин capitoлийских планолетов и начинают сыпаться бомбы. Меня отбрасывает на стену склада. Правую ногу сзади чуть повыше колена обжигает боль. В спину тоже что-то ударило, но бронезилет меня защитил. Боггс прикрывает меня своим телом. Земля под ногами сотрясается от разрывов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.